КАРТИНЫ

ИЗЪ

ИСТОРІИ ДѢТСТВА

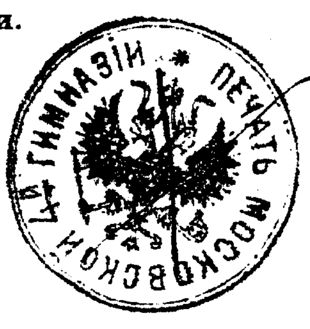
ЗНАМЕНИТЫХЪ МУЗЫКАНТОВЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Подъ редакціею Михаила Чистякова.

Съ 6-ю картинками.

Санктпетербургъ.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ БИБЛІОТЕКѢ ДЛЯ ЧТЕНІЯ А. СМИРДИНА,
НА МИХАЙЛ. ПЛОЩ., ВЪ ДОМѢ КАТОЛИЧ. ЦЕРКВИ.

1845.

ДЖУЗЕППЕ ТАРТИНИ.

Рис: на кам: В. Пппе. Печ: въ Лит: Тюлева.

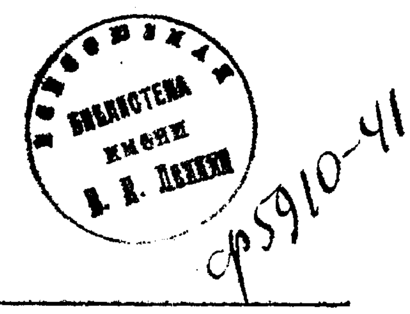
Я_Тартини!

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 5-го марта 1845 года.

Ценсоръ А. Мехелинъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

ДЖУЗЕППЕ ТАРТИНИ.

═

I.

Террачино, одинъ изъ пограничныхъ городовъ Италіи, окружаютъ утесистыя, безплодныя горы. Тамъ, по кремнистому крутому спуску большой дороги, медленно шелъ путникъ; съ перваго взгляда его можно было почесть старикомъ, который возвращается отъ Св. Гроба: голова его была покрыта капишономъ; сѣдая борода въ безпорядкѣ падала на грудь; онъ съ трудомъ

передвигалъ ноги, которыя то уходили въ песокъ, то скользили по острому и неровному булыжнику; старость, или совершенное изнеможеніе, согнули высокій станъ его; лице его было необыкновенно прекрасно и исполнено юношеской свѣжести. Этотъ огненный взглядъ голубыхъ глазъ, это чело, на которомъ не видно было ни одной морщинки, эти тонкія и выразительныя черты, — все заставляло предполагать, что путникъ не такъ старъ, какъ показывали сѣдины его.

Это было въ полдень, августа 1707 года; жаръ становился часъ отъ часу сильнѣе; отвѣсные лучи солнца палили землю; нигдѣ ни малѣйшей тѣни; на горизонтѣ показались черныя тучи; все предвѣщало грозу. Духота увеличивалась; птицы летали по самой землѣ; настала мертвая тишина; начиналъ накрапывать дождь. Путешественникъ увидѣлъ въ сторонѣ пещеру и поспѣшилъ въ это

убѣжище. Пробравшись сквозь кусты, до половины закрывавшіе входъ, онъ бросился на дерновую скамью. Отъ усталости и душевныхъ страданій онъ впалъ въ совершенное изнеможеніе. Долго сидѣлъ онъ неподвижно, прислушиваясь къ раскатамъ грома, къ шуму дождя и неистовымъ порывамъ вѣтра. Онъ хотѣлъ было молиться, сложилъ руки, но не могъ выговорить ни слова, печально опустилъ голову и впалъ въ какое-то оцѣпенѣніе. Вдругъ у входа въ пещеру показались два человѣка: это были монахи коллегіи Padri delle Scuole, находящейся въ Капо-д'Истріи. Путешественникъ взглянулъ на нихъ, вздрогнулъ и съ боязнію ушелъ въ самый темный уголъ, палъ на землю и притворился, будто спитъ глубокимъ сномъ.

II.

Монахи, какъ видно, хорошо знали пещеру: они прямо подошли къ мѣсту, гдѣ лежалъ путешественникъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ:

«Падре Себастіани, переждемъ здѣсь грозу; я помню, тутъ есть скамья; посидимъ, отдохнемъ и пообѣдаемъ; только я ничего не вижу въ темнотѣ.»

— Да, да, отдохнемъ, падре Бонавентура; усталъ я до смерти. —

«Да здѣсь кто-то есть!» сказалъ Бонавентура, наткнувшись на путешественника. Монахъ нагнулся, ощупалъ капишонъ, унизанный раковинами и вскричалъ: «Боже мой! это мертвый пилигримъ.....»

— Кто знаетъ, не спитъ-ли онъ? — спросилъ Себастіани.

«Дай-то Богъ; но онъ не шевелится. Помогите мнѣ перенести его къ свѣту.»

Монахи хотѣли поднять путешественника; но онъ пошевельнулся и сказалъ имъ: «Оставьте меня!»

«Скажите намъ, кто вы?» спросилъ Бонавентура самымъ ласковымъ голосомъ.

«Я бѣдный пилигримъ.....усталъ отъ дороги;» отвѣчалъ онъ.

— Вы, кажется, очень ослабѣли; голосъ вашъ дрожитъ; не хотите ли поѣсть чего нибудь? подхватилъ другой монахъ.

Пилигримъ глубоко вздохнулъ и не отвѣчалъ ни слова.

— Мы — братья по Христу; подѣлимся же, какъ братья, — сказалъ монахъ, вынулъ изъ дорожной сумы хлѣбъ, винныя ягоды, бутылку съ виномъ и предложилъ все это

пилигриму. Онъ началъ ѣсть съ жадностью. — Вѣрно, голодъ давно мучитъ тебя? — сказалъ одинъ монахъ.

«Да, падре,» отвѣчалъ пилигримъ: «у меня нѣтъ денегъ, а милостыни просить я не хочу!»

— Богъ не оставляетъ дѣтей своихъ. Онъ привелъ насъ сюда, чтобы помочь вамъ, — сказалъ Бонавентура, съ выраженіемъ кротости и добродушія, которыя отпечатлѣвались на лицѣ его. — Впрочемъ, продолжалъ онъ, пещера эта не въ первый разъ служитъ убѣжищемъ несчастному. Здѣсь укрывался императоръ Тиберій, и любимецъ его, Сеянъ, спасъ его отъ смерти. —

Долго шелъ подобный разговоръ. Пилигримъ могъ замѣтить, что имѣетъ дѣло съ учеными монахами. Между тѣмъ погода прояснилась и padri delle Scuole собрались идти.

— Мы отправляемся въ Римъ; вы не туда-же ли? — спросилъ монахъ пилигрима.

«Я еще побуду здѣсь и отдохну хорошенько;» отвѣчалъ онъ.

— Я тоже охотно посидѣлъ бы, но нельзя; намъ надо торопиться, — сказалъ Бонавентура. — Впрочемъ, не можете-ли вы сообщить намъ какое нибудь извѣстіе.........Вы идете изъ Неаполя? —

«Да,» запинаясь, отвѣчалъ пилигримъ.

— Не встрѣтились-ли вы съ молодымъ человѣкомъ лѣтъ пятнадцати? Онъ высокаго роста, у него блѣдное лице, прекрасные каштановые волосы, взглядъ орлиный. Онъ, вѣрно, въ платьѣ послушниковъ монастыря Padri delle Scuole; если вы съ нимъ говорили, то онъ ужъ непремѣнно толковалъ о музыкѣ и фехтованьи.....

«Я ни съ кѣмъ не встрѣчался,» отвѣчалъ со вздохомъ пилигримъ.

— Ну, такъ вы, вѣрно, еще увидите его. Почтенный видъ и сѣдины ваши внушаютъ какую-то особенную довѣренность къ вамъ, и я разскажу вамъ причину нашего путешествія. Вы видѣли свѣтъ; у васъ должно быть много опытности и вы можете дать намъ хорошій совѣтъ. — Монахи опять усѣлись и Бонавентура началъ разсказъ свой.

III.

— Меня зовутъ Тартини. Если вамъ случалось быть въ Пирано — въ Истріи, то вы, вѣрно, не разъ слыхали тамъ это имя; я оттуда родомъ и семейство наше пользуется тамъ извѣстностью. Однажды, когда я былъ уже монахомъ въ коллегіи Padri delle Scuole, приходитъ ко мнѣ родственникъ мой и говоритъ, что хочетъ отдать сына своего въ монастырь. — Котораго? спрашиваю я. — «Джузеппе; того самого, который родился 12-го апрѣля 1693 года; помнишь, ты тогда еще приходилъ ко мнѣ въ Пирано. Лице твое и одежда очень понравились женѣ моей, и она захотѣла, чтобы сынъ нашъ также былъ монахомъ». —

Настоятель нашъ охотно согласился на просьбу родственника моего и, пять лѣтъ тому назадъ, къ намъ привезли десятилѣтняго Джузеппе. Это былъ прекрасный мальчикъ; онъ отличался необыкновенною понятливостію и вскорѣ сталъ любимцемъ всѣхъ монаховъ и всѣхъ товарищей: всякій старался угождать ему.....Извините, вамъ, можетъ быть, скучно слушать такія подробности.—

«Продолжайте, продолжайте, падре; разсказъ вашъ напоминаетъ мнѣ мое дѣтство.»

— Все шло, — продолжалъ Бонавентура, — какъ нельзя лучше. Вотъ, однажды, пріѣзжаетъ къ намъ въ монастырь знаменитый музыкантъ. Джузеппе слышитъ въ первый разъ превосходную игру на скрыпкѣ; это его очаровало. Онъ сталъ умолять настоятеля, чтобъ позволили ему учиться на скрыпкѣ; ему позволили.....Вы знаете, музыка занятіе священное: самъ Давидъ игралъ

передъ ковчегомъ Завѣта.....Джузеппе дѣлалъ необыкновенные успѣхи; мы всѣ дивились ему и осыпали его похвалами. Къ несчастію, мальчикъ до того пристрастился къ музыкѣ, что бросилъ всѣ другія занятія. Настоятель хотѣлъ отнять у него скрипку; но артистъ уѣхалъ и уроки прекратились сами собою. Около этого времени пришелъ въ нашъ монастырь старый солдатъ; онъ былъ во многихъ сраженіяхъ и потерялъ правую ногу, лѣвую руку и который-то глазъ. Мой Джузеппе сильно привязывается къ старому инвалиду, не отходитъ отъ него ни на минуту, съ жадностью слушаетъ разсказы о битвахъ и внѣ себя отъ радости, когда старикъ, разгорячившись, начиналъ фехтовать костылемъ. Скрипка забыта, смычекъ брошенъ и Джузеппе, то и дѣло, учится разнымъ пріемамъ фехтованья.....Мы не безпокоились объ этой

новой склонности: она неопасна въ нашемъ званіи.....Недѣли двѣ тому назадъ пріѣзжаютъ родители Джузеппе; мы толкуемъ при немъ, когда бы назначить постриженіе, не почитая обязанностью спрашивать его согласія. Вдругъ Джузеппе вскакиваетъ съ своего мѣста и объявляетъ, что не хочетъ быть монахомъ. Можете представить себѣ, какое впечатлѣніе произвело это на всѣхъ. Настоятель спрашиваетъ его, отъ чего онъ отказывается отъ духовнаго званія. «Я хочу быть музыкантомъ, или солдатомъ, или тѣмъ и другимъ!» Начинаются споры, увѣщанія, упреки,—все напрасно: Джузеппе непоколебимъ. Назначаютъ постриженіе, хотятъ принудить, или уговорить его къ тому. Наконецъ наступаетъ роковой день: я самъ, чѣмъ свѣтъ, иду къ нему и объявляю, что еще остается четыре часа на приготовленіе. «О, этого для меня много!» отвѣ-

чаетъ онъ.—Черезъ нѣсколько часовъ приходимъ мы въ келью его: она пуста. Мы ищемъ его по монастырю, въ саду: нигдѣ нѣтъ Джузеппе; находятъ только лоскутъ его платья на заборѣ. Любимецъ мой убѣжалъ! Черезъ часъ настоятель велѣлъ намъ отправиться искать его. Богъ вѣсть, нагонимъ ли мы Джузеппе Тартини: онъ молодъ, силенъ и пустился въ дорогу часами шестью раньше насъ. Но вотъ и ночь наступила,—продолжалъ монахъ послѣ нѣкотораго молчанія:—намъ пора идти. Прощайте! не могу ли я оказать вамъ какую нибудь услугу?

«Нѣтъ, падре,» отвѣчалъ пилигримъ. «Во мнѣ столько сходства съ негодяемъ, родственникомъ вашимъ, что я не смѣю.....»

— Негодяемъ!—прервалъ его монахъ:—кто вамъ сказалъ это? У Джузеппе только одинъ недостатокъ: онъ не хочетъ быть монахомъ.

Трудно сыскать въ комъ нибудь столько достоинствъ: онъ веселъ, довѣрчивъ, откровененъ, добръ.....Какое сходство можетъ быть между имъ и вами? Ему пятнадцать лѣтъ, а вамъ.....

«Падре, у меня также мало знаній, опытности и разсудительности.....»

— Вы слишкомъ скромны, — отвѣчалъ монахъ.

«Нѣтъ, нѣтъ, падре; тутъ нѣтъ ни на волосъ скромности.....»

— Извините, что я прерываю васъ; въ чемъ-же вы еще походите на молодаго Тартини?

«Онъ любитъ музыку,» отвѣчалъ пилигримъ: «а я музыкантъ.»

— А, вы музыкантъ! Тутъ нѣтъ ничего дурнаго; ужъ я говорилъ вамъ, что самъ Давидъ.....

«Игралъ и пѣлъ передъ ковчегомъ Завѣта,» подхватилъ пилигримъ.

— Пойдемъ, падре, — сказалъ Себастіани, выходя изъ пещеры; — погода прекрасная и ужъ совсѣмъ сухо.

«Теперь и я могу идти; я отдохнулъ,» сказалъ пилигримъ, вставая съ скамьи.

— Дайте мнѣ руку; я буду поддерживать васъ, — сказалъ Себастіани.

«Ничего, падре; я стану опираться на посохъ.»

Всѣ трое вышли изъ пещеры и пустились въ путь. Монахи съ любопытствомъ взглянули на пилигрима; но капишонъ былъ совершенно опущенъ на лице и изъ-подъ него виднѣлась только серебристая борода.

IV.

Путешественники шли по большой дорогѣ, миновали холмъ съ древними развалинами Юпитерова храма и любовались фантастическими формами ихъ. Долго шли они по неровной и трудной дорогѣ, мимо Террачино. Наконецъ пилигримъ остановился, не доходя до Понтійскихъ болотъ, и началъ прощаться съ монахами.

— Куда пойдете вы? — спросилъ Бонавентура.

«Я иду въ Ассизу,» отвѣчалъ пилигримъ.

— Есть ли у васъ тамъ знакомые?

«Нѣтъ, падре; я надѣюсь найти тамъ учениковъ.»

— На первый случай я могу познакомить васъ, — сказалъ Бонавентура, — съ падре Боэмо. Онъ органистъ при монастырѣ Св. Ассизы.....Это человѣкъ добрый, услужливый, хорошій музыкантъ и къ тому-же другъ мой.»

«Я не знаю.....я посмотрю.....» отвѣчалъ пилигримъ съ большимъ замѣшательствомъ.

— Чего тутъ затрудняться? прибавилъ Бонавентура.—Мнѣ удалось спасти жизнь вашу; неужели-же опять оставить васъ на произволъ судьбы? Я охотно провожу васъ въ монастырь къ падре Боэмо.

«Нѣтъ, ужъ лучше дайте мнѣ письмо къ нему;» сказалъ пилигримъ.

— Это было-бы совершенно безполезно,— отвѣчалъ Бонавентура.

«Неужели падре Боэмо не умѣетъ читать?»

— Онъ слѣпъ, — сказалъ монахъ.

«Слѣпъ!» вскричалъ пилигримъ съ живостью, несвойственною старику; «слѣпъ! Пойдемъ къ нему, падре.»

— Такъ вы идете къ нему только потому, что онъ слѣпъ? — съ удивленіемъ спросилъ Бонавентура.

«Я очень люблю слѣпыхъ!»

Ровно въ шесть часовъ утра путешественники подошли къ рѣшеткѣ монастыря Св. Ассизы и позвонили въ колокольчикъ. Ихъ тотчасъ проводили въ келью къ падре Боэмо; друзья обнялись, проливая радостныя слезы. Спустя нѣсколько минутъ, падре Бонавентура попросилъ Боэмо позаботиться о судьбѣ бѣднаго пилигрима. Монахи распрощались и отправились опять въ погоню за Джузеппе Тартини. Пилигримъ остался въ монастырѣ.

— Вы бѣдны? Вамъ нужна моя помощь? — ласково сказалъ Боэмо. — Я не хочу знать,

кто вы. Видите, Богъ послалъ мнѣ слѣпоту: мнѣ надо, чтобы кто нибудь клалъ мои пальцы на клавиши органа. Вы знаете музыку?

«Я только немножко играю на скрипкѣ и пою,» отвѣчалъ пилигримъ.

— Хорошо, другъ мой; вы скоро научитесь играть на органѣ.....Я старъ, вы можете со временемъ занять мое мѣсто; оно спокойно, пріятно и доставляетъ лучшихъ учениковъ въ городѣ. Вы будете довольны.

«Я ужъ и теперь доволенъ,» отвѣчалъ пилигримъ.

V.

Такимъ образомъ пилигримъ жилъ въ монастырѣ Св. Ассизы; прошло два мѣсяца. Вотъ однажды молодой послушникъ Антоніо встревожилъ всѣхъ монаховъ слѣдующимъ разсказомъ.

Антоніо страстно любилъ музыку; онъ проводилъ всѣ свободные часы въ коридорѣ, у дверей кельи падре Боэмо. Онъ съ жадностью ловилъ звуки органа и скрипки и былъ въ восторгѣ отъ голоса пилигрима. Разъ, вечеромъ, музыка болѣе обыкновеннаго растрогала его душу; онъ рѣшился просить пилигрима поучить его на скрипкѣ. Но приступить къ пилигриму было не легко: онъ жилъ въ совершенномъ затворни-

честв̆ѣ, никогда ни съ кѣмъ не говорилъ и бывалъ только у одного органиста. Въ монастырѣ носилась молва, что пилигримъ далъ обѣтъ жить въ такомъ отшельничествѣ.

До глубокой ночи простоялъ Антоніо у дверей и все думалъ, какъ-бы заговорить съ пилигримомъ. Наконецъ дверь кельи отворилась и пилигримъ медленно прошелъ мимо Антоніо; но у молодаго человѣка не стало духа остановить старика. Безъ всякой цѣли пошелъ Антоніо по коридору, сошелъ въ садъ вслѣдъ за пилигримомъ и видѣлъ, какъ онъ сорвалъ розу, съ наслажденіемъ нюхалъ ее и потомъ пошелъ по аллеѣ, прямо къ часовнѣ. Луна сіяла въ полномъ блескѣ. «Пойду и я за нимъ;» думалъ послушникъ: «если онъ молится, не стану мѣшать ему; если нѣтъ, то заговорю съ нимъ.» Тихо подкрался Антоніо къ часовнѣ, ступилъ на порогъ и оцѣпе-

нѣлъ отъ удивленія. У подножія жертвенника лежалъ очень молодой человѣкъ и вполголоса пѣлъ пѣснь, слова которой, казалось, тутъ-же раждались въ умѣ его. Платье на немъ было бѣлое, какое обыкновенно носятъ послушники всѣхъ монастырей; лице юноши сіяло необыкновенною красотою. Антоніо ищетъ глазами старика — и что-же? Прекрасный юноша держитъ въ рукахъ ту самую розу, которую сорвалъ пилигримъ. Послушникъ вскрикиваетъ и стремглавъ пускается въ монастырь, прибѣгаетъ въ трапезу и производитъ общее смятеніе.

Настоятель не вѣритъ Антоніо, хочетъ убѣдиться самъ и со всѣми монахами отправляется въ часовню. Приходятъ и видятъ, что сѣдой пилигримъ молится усердно, а возлѣ него лежитъ роза.

«Такъ это-то твой ангелъ?» спрашиваетъ настоятель Антоніо.

Напрасно бѣдный молодой человѣкъ описываетъ бѣлое платье ангела, его красоту, каштановые локоны, падавшіе по плечамъ; никто ему не вѣритъ. Монахи не стали прерывать молитвы пилигрима и ушли.

Однакожъ Антоніо оставался при своемъ; онъ ощупью пробрался въ келью привратника и спросилъ его: «Братъ Анастасій, не уходилъ-ли кто изъ монастыря сегодня вечеромъ?»

«Нѣтъ! но на что тебѣ знать это? Что ты такъ встревоженъ?»

Антоніо разсказалъ привратнику про пилигрима, розу и ангела.

Привратникъ, человѣкъ простой и недальняго ума, съ важностью отвѣчалъ послушнику:

«Ужъ я давно замѣтилъ: пилигримъ не такой человѣкъ, какъ прочіе люди; только это не твое дѣло. Ступай спать, Антоніо;

смотри, берегись пилигрима..... Однакожъ постой! Можешь-ли ты припомнить, съ котораго куста рвалъ онъ розу?»

— Какъ не помнить? Онъ сорвалъ ее съ любимаго куста падре Боэмо.

«Хорошо, ступай!»

II.

Старый, слѣпой органистъ Боэмо прогуливался каждое утро въ монастырскомъ саду. Онъ обыкновенно набиралъ большой букетъ цвѣтовъ, особенно такихъ, которые имѣли сильный запахъ. На другое утро, послѣ приключенія Антоніо, старый Боэмо съ безпокойствомъ ходилъ взадъ и впередъ по одной аллеѣ сада и чего-то искалъ. Съ нимъ встрѣтился привратникъ и спросилъ его: «Чего вы ищете, падре?»

— Не нахожу своего розоваго куста,—отвѣчалъ Боэмо.

«Онъ выкопанъ.»

— Какъ, выкопанъ?..... Да кто смѣлъ?

«Я,» падре Боэмо.

— Зачѣмъ-же? — спросилъ органистъ.

«Этотъ кустъ былъ заколдованъ!.....» съ трепетомъ отвѣчалъ Анастасій вполголоса.

Органистъ захохоталъ.

«Не смѣйтесь,» сказалъ Анастасій: «не смѣйтесь; и я смѣялся, но былъ за это наказанъ. Пилигриму не поздоровится сегодня.»

— Ну-ка, братъ Анастасій, разскажите мнѣ порядочно, зачѣмъ вы истребили кустъ мой и какую связь имѣетъ онъ съ пилигримомъ?

«Очень большую; съ нынѣшняго дня пилигримъ на всю жизнь останется дряхлымъ старикомъ.»

— Я не понимаю васъ.

«Такъ знайте-же, падре Боэмо: пилигримъ, посредствомъ розы, которую рвалъ съ куста вашего, превращался въ прекраснаго, молодаго человѣка.»

— Не знаю, хорошъ-ли собою пилигримъ, — отвѣчалъ органистъ: но онъ долженъ быть молодъ.

«Вотъ и вы то-же говорите!»

— Что такое?

«Да, что пилигримъ молодъ.»

— Я могу судить только по голосу и увѣряю васъ, что никогда не ошибаюсь: пилигриму должно быть лѣтъ пятнадцать.

«Нѣтъ, падре; у него длинная сѣдая борода; онъ старше настоятеля.»

— Полно, братъ Анастасій; у него голосъ еще дѣтскій, а руки тонкія и нѣжныя, какъ у дѣвушки.

«Да, такъ, точно такъ! Бывала у него роза въ рукахъ, когда онъ пѣлъ?»

— Я не замѣтилъ, — отвѣчалъ органистъ.

«Ничего; увидите, сегодня будетъ у него дрожащій голосъ и жесткія, костлявыя руки.»

— Рѣшительно не понимаю васъ ,—отвѣчалъ Боэмо.

«Ну , такъ я разскажу вамъ , что случилось вчера вечеромъ съ братомъ Антоніо.»

Привратникъ разсказалъ слѣпому Боэмо извѣстную вамъ исторію, съ разными прикрасами. Только вмѣсто одной розы, по словамъ привратника, пилигримъ сорвалъ десятокъ и все съ того-же куста ; въ глазахъ Антоніо превратился онъ въ бѣлаго ангела съ золотыми крыльями за плечами и на ногахъ; часовня была освѣщена небеснымъ сіяніемъ и въ ней раздавались тихіе акорды неземной музыки.

— И такъ вы утверждаете, братъ Анастасій , что пилигримъ старъ ; у него морщиноватое, задумчивое лице?

«Ему, по крайней мѣрѣ, сто лѣтъ, падре.»

— Подите , сыщите его и пришлите ко мнѣ,—сказалъ Боэмо, входя въ келью свою.

VII.

Неизвѣстно, о чемъ говорилъ органистъ съ пилигримомъ; только, съ тѣхъ поръ, дружба ихъ увеличилась. Прошло два года; превращенія не возобновлялись отъ того, какъ утверждалъ Анастасій, что кустъ падре Боэмо истребленъ. Впрочемъ, разсказъ объ ангелѣ и розѣ повторялся почти каждый вечеръ; послушники и воспитанники слушали его съ удовольствіемъ и трепетомъ.

Между тѣмъ монастырь пріобрѣлъ большую извѣстность: со всѣхъ сторонъ въ него стекался народъ, чтобъ послушать восхитительной музыки и подивиться, зачѣмъ искусный артистъ прячется всегда за занавѣсомъ.

Какъ-то въ воскресенье, во время обѣдни, сквозной вѣтеръ немного приподнялъ занавѣсъ; одинъ изъ молящихся иностранцевъ взглянулъ, вскрикнулъ отъ радости, тотчасъ подошелъ къ монаху Анастасію и спросилъ:

«Скажите мнѣ, падре, кто это у васъ играетъ на скрипкѣ?»

— Бѣдный пилигримъ; онъ уже два года живетъ въ нашемъ монастырѣ.

«Два года!» сказалъ иностранецъ: «Какъ его имя?»

— Я не знаю; мы обыкновенно называемъ его пилигримомъ, — отвѣчалъ Анастасій.

«Это, должно быть, молодой человѣкъ лѣтъ семнадцати.»

— Нѣтъ; онъ старикъ.

«Тотъ, который играетъ на скрипкѣ?»

— Да, да, тотъ самый — отвѣчалъ монахъ.

«Кажется, вы ошибаетесь, падре; вѣтеръ поднялъ занавѣсъ и я увидѣлъ молодаго человѣка: онъ игралъ на скрипкѣ.»

— Боже мой! Неужели розовый кустъ опять выросъ? — съ ужасомъ воскликнулъ привратникъ.

Не обращая вниманія на странное восклицаніе монаха, иностранецъ прибавилъ:

«Сдѣлайте одолженіе, скажите артисту, что знакомый ему Падуанецъ хотѣлъ-бы поговорить съ нимъ и сообщить ему пріятныя извѣстія.»

— Хорошо; приходите сегодня вечеромъ, — сказалъ привратникъ.

Незнакомецъ ушелъ; Анастасій вышелъ изъ церкви, повторяя:

— Боже мой! Боже мой! Неужели розовый кустъ опять выросъ?

VIII.

Въ назначенное время Падуанецъ пришелъ къ привратнику; онъ нашелъ тамъ пилигрима. Огненный взглядъ голубыхъ глазъ артиста составлялъ странную противуположность съ его длинной, сѣдой бородою.

«Вы хотѣли меня видѣть?» сказалъ пилигримъ, указывая рукою на деревянную скамью и приглашая незнакомца садиться. Они сѣли; нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе; наконецъ Падуанецъ сказалъ:

— Вотъ уже давно хожу я изъ монастыря въ монастырь, ищу молодаго Джузеппе Тартини. Онъ за два года передъ симъ пропалъ безъ вѣсти изъ коллегіи Padri delle Scuole.....»

«Что-же заставляетъ васъ обращаться ко мнѣ?» спросилъ пилигримъ и еще больше надвинулъ на лице капишонъ.

— Вы единственный артистъ въ здѣшнемъ монастырѣ; Джузеппе страстно любилъ музыку и, вѣрно, онъ учится у васъ.

«Можетъ быть; я не знаю всѣхъ воспитанниковъ; я справлюсь.....» — «Но,» продолжалъ пилигримъ дрожащимъ голосомъ, и слеза скатилась по сѣдой бородѣ его; «но если этотъ Тартини, какъ вы называете его, учится у меня музыкѣ, что сказать ему о его родителяхъ?.....»

— Скажите ему: родители простили его и оплакиваютъ разлуку съ нимъ. Если онъ не хочетъ быть монахомъ, то пусть будетъ, чѣмъ угодно, лишь-бы успѣвалъ на своемъ новомъ поприщѣ.

«Вы слышали, какъ я играю на скрипкѣ?»

— Да.

«Сегодня я игралъ собственное сочиненіе. Какъ вы находите музыку?»

— Мотивъ дышетъ возвышенной, священной поэзіей; выполненіе — верхъ совершенства.

«И такъ, если Тартини столько-же смыслитъ въ музыкѣ, какъ я.....?»

— Семейство его съ восторгомъ обниметъ такого знаменитаго артиста,—сказалъ Падуанецъ.

«Я Тартини!» вскричалъ пилигримъ, вскочилъ съ своего мѣста, сорвалъ бороду, капишонъ и съ веселостью и живостью мальчика махалъ ими надъ головою.

— Опять чудо! — сказалъ кто-то.

Тартини обернулся и расхохотался, увидѣвъ испуганнаго привратника.

«Теперь ужъ не роза превратила меня; я не ангелъ, видѣнный Антоніемъ, я только немножко похожу на него: я молодъ, бѣлъ и у меня свѣтлые волосы.....»—«О! синьоръ Сузини, я тотчасъ узналъ васъ,» продолжалъ Тартини, обращаясь къ Падуанцу: «мое сердце такъ и рвалось къ вамъ. Я открылся-бы вамъ, если-бъ вы даже и не порадовали меня тѣмъ, что родители меня простили.»

— Ну, такъ ѣдемъ-же въ Падую!

«Сейчасъ; дайте только попрощаться съ падре Боэмо, монахами и настоятелемъ!»

Черезъ нѣсколько минутъ Джузеппе былъ уже въ дорогѣ; родители съ восторгомъ и любовью приняли его дома.

Тартини пріобрѣлъ славу знаменитаго композитора и исполнителя; онъ былъ основателемъ особенной музыкальной школы, умеръ, семидесяти восьми лѣтъ отъ роду, 16-го февраля 1770 года.

АМЕДЕЙ НАУМАННЪ.

I.

— Амедей! Сходилъ-ли ты за углями? — спросилъ слесарь Фабри у семилѣтняго мальчика, блѣднаго и задумчиваго, который сидѣлъ на порогѣ комнаты и расправлялъ молоткомъ кривые гвозди, напѣвая какую-то заунывную пѣсню. Это было въ маѣ мѣсяцѣ 1753 года.

«Сейчасъ пойду, хозяинъ,» отвѣчалъ мальчикъ, продолжая пѣть.

— Говори по-учтивѣе, негодный,—грубо сказалъ слесарь:—да собирайся живѣй; не-то, ты у меня запоешь другимъ голосомъ.....

Амедей зналъ, что за побоями дѣло не станетъ, а потому всталъ и собрался было идти за углями. Вдругъ кто-то схватилъ его за руку; онъ обернулся: то была жена слесаря. Замахнувшись на него, она закричала:

«Что ты тутъ дѣлаешь, лѣнтяй?..... Ступай качать колыбель.....Этотъ мальчишка ни къ чему не годится; ему бы только пѣть!»

— Какъ, да ты еще не вернулся,—кричалъ мужъ: — эй, береги спину!

«Ступай на верхъ, или я тебя прибью!» говорила жена. И она, въ самомъ дѣлѣ, ударила со всего размаха бѣднаго Амедея.

«Боже мой! Кого-же мнѣ слушаться?» говорилъ бѣдный ребенокъ со слезами.

— Меня! — Меня! — кричали въ одинъ голосъ слесарь и жена его.

«Такъ на что-же мнѣ рѣшиться? Нельзя-же быть въ одно время вверху и внизу,» сказалъ Амедей, стараясь вырваться изъ рукъ слесарши.

«А! ты еще умничаешь, негодный мальчишка! Ступай качать колыбель, или я опять примусь за тебя!»

— Да пусть онъ сходитъ за углями, Маргарита, — сказалъ слесарь: — послѣ будетъ качать колыбель.

«Мать отдала его мнѣ,» возразила Маргарита: «онъ долженъ слушаться меня!»

— Отецъ отдалъ его въ ученье не къ тебѣ, и если онъ будетъ упрямиться, я его высѣку.

«Увидимъ!» отвѣчала слесарша, выпустивъ изъ рукъ мальчика. «Ступай вверхъ,

да смотри, чтобы ребенокъ не кричалъ; а не-то, я тебя.....»

— Ступай за углями, или..... да что толковать съ тобой? Ты, вѣдь, знаешь, чья рука тяжелѣе, — сказалъ мужъ.

Амедей зналъ, что хозяинъ грозитъ не даромъ. Почувствовавъ себя на свободѣ, онъ схватилъ корзинку и побѣжалъ за углями; ему казалось лучше принять побои отъ хозяйки, чѣмъ отъ мужа ея.

«Эй, остановись!» кричала слесарша; но мальчикъ вырвался уже изъ рукъ ея.

— Да поскорѣй ворочайся, или берегись! — кричалъ слесарь.

Амедей былъ уже далеко; но угрозы все еще доходили до его слуха и онъ побѣжалъ быстрѣе прежняго. Вдругъ онъ вспомнилъ, что въ торопяхъ не взялъ денегъ на покупку углей. Что дѣлать?..... Угольщикъ не вѣритъ въ долгъ..... Мальчикъ

остановился на дорогѣ и заплакалъ. Полуденное солнце палило непокрытую его голову. «Боже мой, Боже мой, сжалься надо мной!» сказалъ онъ, поднявши къ небу прекрасные глаза свои, омоченные слезами.

Выраженіе отчаянія на лицѣ бѣднаго дитяти, нѣжный и трогательный голосъ и полуизорванное платье обратили на него вниманіе одного прохожаго.

— Что съ тобою, другъ мой? — спросилъ незнакомецъ, давая ему мелкую монету.

«Я не нищій!» отвѣчалъ ребенокъ, отступая.

— Это, вѣдь, и не милостыня, — сказалъ незнакомецъ: — ты огорченъ и я хотѣлъ тебя утѣшить.

«Да, я плачу!» сказалъ ребенокъ, зарыдавъ сильнѣе прежняго. «Что-бы я ни сдѣлалъ, меня за все бьютъ.....»

— Кто-жъ тебя бьетъ, отецъ, или мать?

«О нѣтъ, сударь!» отвѣчалъ простодушно Амедей: «отцы и матери никогда не бьютъ дѣтей своихъ!»

— Кто-жъ тебя обижаетъ? — спросилъ тронутый незнакомецъ.

«Хозяева, сударь; они такъ злы!» отвѣчалъ мальчикъ, довольный тѣмъ, что можетъ подѣлиться съ кѣмъ нибудь своимъ горемъ. «Слесарь Фабри, тотъ, который живетъ тамъ, въ деревнѣ, человѣкъ очень жестокій.....а жена его... О! жена его еще хуже.....»

— Да кто отецъ твой, другъ мой? Гдѣ онъ живетъ?

«Отецъ мой — крестьянинъ; онъ живетъ далеко отсюда и я едва-ли въ цѣлую ночь дойду до дому; на возвратный-же путь надобно еще больше времени.»

— Дорога, я думаю, одна и та-же? — сказалъ съ улыбкою незнакомецъ.

«Конечно, сударь; а между тѣмъ, клянусь вамъ, когда я возвращаюсь къ хозяину, дорога мнѣ кажется длиннѣе. Вотъ, напримѣръ, въ субботу я выхожу въ восемь часовъ вечера и домой прихожу въ исходѣ пятаго. Изъ дому я тоже выхожу въ восемь часовъ, а между тѣмъ раньше семи не могу поспѣть къ хозяину. Видите, дорога длиннѣе, когда идешь изъ дому.»

— Но можетъ быть, другъ мой, ты тогда не такъ торопишься?

«Конечно, сударь, когда спѣшишь обнять отца, мать, братьевъ и сестеръ, то земли не чувствуешь подъ собой.....На возвратномъ-же пути я скоро устаю.»

— Бѣдный малютка, о чемъ-же ты плакалъ теперь?

Мальчикъ съ милымъ простодушіемъ разсказалъ о приказаніяхъ мужа и жены и о

томъ, что онъ забылъ взять деньги на покупку углей. «Отецъ,» продолжалъ онъ: «отдалъ меня къ Фабри учиться слесарному мастерству, а онъ, вмѣсто того, держитъ меня на посылкахъ; жена заставляетъ качать колыбель; побои каждый день, а учить ничему не учатъ.....Что пользы въ этомъ, сударь?»

— Ты правъ, другъ мой. Но надобно разсказать все это родителямъ. Они тебя очень любятъ, говоришь ты?

«Насъ много у отца и я буду ему въ тягость.....»

— Какъ зовутъ твоего отца?

«Иванъ Науманнъ; онъ крестьянинъ въ Блессевитцѣ, недалеко отъ Дрездена.»

Незнакомецъ, послѣ минутнаго молчанія, сказалъ: — Я живу въ Дрезденѣ, въ домѣ училища. Св. Креста; попросись у отца по-

бывать у меня завтра утромъ. Я учитель Мессеніусъ.....Упомнишь ли это имя?

«О, будьте увѣрены, сударь; послѣ батюшки вы первый ласково говорите со мной.»

— Хорошо, — сказалъ учитель: — если у тебя есть дарованія, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то ты будешь учиться у меня даромъ.

«Какъ вы добры, сударь!» сказалъ Амедей. Прелестное лице мальчика заблистало радостью.....«Но что-же мнѣ дѣлать съ корзинкой?.....Фабри ждетъ углей..... хозяйкинъ ребенокъ теперь кричитъ.....»

— Будь спокоенъ; я все это улажу. — И учитель взялъ у мальчика корзинку. — Ну, прощай, до утра; да не забудь: въ Дрезденѣ, въ училищѣ Св. Креста..... Мессеніусъ.....

«Пасторъ нашъ говоритъ правду,» сказалъ Амедей: «Богъ всегда помогаетъ тому,

кто призываетъ его имя.» Мальчикъ посмотрѣлъ вокругъ себя и пустился бѣжать по направленію къ дому отца своего.

II.

Появленіе Амедея обезпокоило все семейство. Мальчикъ разсказалъ, какіе терпѣлъ онъ побои отъ слесаря за то, что нескоро выполнялъ порученія его; отъ жены за то, что не качалъ колыбели. На это отецъ сказалъ ему:

— Хорошо, другъ мой, что ты пришелъ; только надобно было это сдѣлать раньше.

Амедей разсказалъ потомъ отцу о встрѣчѣ своей съ учителемъ Мессеніусомъ.

— Да вѣдь до Дрездена далеко,—замѣтилъ ему отецъ.

«Если я выйду изъ дому по утру, такъ приду во время.»

На другой день Амедей всталъ очень рано, положилъ въ сумку кусокъ хлѣба и сыру и весело отправился въ Дрезденъ. У дверей школы онъ нашелъ толпу мальчиковъ, которые смотрѣли на него съ любопытствомъ.

— Откуда взялся этотъ пріятель?—сказалъ одинъ ученикъ: — онъ точно кузнецъ: лице красное, руки черныя.

«Откуда взялся?» отвѣчалъ смѣло Амедей: «*частію изъ кузницы*, а *частію изъ деревни.*»

— А зачѣмъ ты пришелъ сюда?

«За тѣмъ, зачѣмъ и вы.»

— Это забавно! — сказалъ одинъ мальчикъ, щеголевато одѣтый: — знай, другъ мой, что ученіе не всякому дается.

«Но, вѣдь, солнце свѣтитъ-же на всѣхъ,» отвѣчалъ Амедей. Слова эти онъ произнесъ очень живо и выразительно.

— Молодецъ! — закричали мальчики: молодецъ!

Амедей вошелъ въ классъ вмѣстѣ съ другими учениками. До сихъ поръ все было хорошо; но когда мальчики усѣлись, новопришедшій долженъ былъ остаться на срединѣ комнаты, за неимѣніемъ мѣста. Мессеніусъ замѣтилъ его въ это время. «Хорошо, хорошо!» сказалъ онъ, велѣлъ принести для него скамейку, столъ и подарилъ ему нѣсколько учебныхъ книгъ.

По окончаніи утренняго класса мальчики пользовались свободою до послѣобѣденнаго времени. Амедей вышелъ изъ школы и долго оставался въ раздумьи: куда дѣваться ему до начатія ученья. «Войду въ церковь!» подумалъ онъ; но, подходя къ паперти, Амедей справедливо разсудилъ, что въ церкви ѣсть неприлично, а потому сѣлъ на землю и съ неописаннымъ удовольствіемъ принялся за съѣстные свои припасы.

«Ты очень веселъ!» сказалъ ему одинъ ученикъ, который послѣ класса не пошелъ

къ себѣ домой , а остался играть на площади.

— Да , я считаю себя счастливѣйшимъ мальчикомъ въ мірѣ.

«Ты вѣрно не прихотливъ ?» продолжалъ ученикъ надменнымъ тономъ.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ Амедей :—я доволенъ своей судьбой. Отецъ у меня добрый, мать такъ ласкова; братья и сестры меня любятъ; къ слесарю Фабри я не стану больше ходить , а буду здѣсь въ школѣ; выучусь чтенію, письму, ариѳметикѣ, музыкѣ, пѣнію, и..... и..... и, наконецъ, всему, чему только учатся дѣти.

«Э! ты еще новичекъ,» сказалъ ученикъ: «все тебѣ кажется хорошимъ ; посмотримъ, что-то ты заговоришь послѣ перваго наказанія.»

Мысль о наказаніи не пугала Амедея: онъ справедливо разсуждалъ , что не получитъ

даже и выговора, если будетъ хорошо вести себя; и точно, въ продолженіе трехъ лѣтъ, онъ ни разу не былъ наказанъ учителемъ.

Амедею было тогда одиннадцать лѣтъ и онъ считался лучшимъ ученикомъ въ цѣломъ классѣ. Впрочемъ всѣмъ другимъ наукамъ онъ предпочиталъ музыку, занимался ею въ свободное отъ ученія время и скоро сдѣлалъ необыкновенные успѣхи.

Извѣстно, что Нѣмцы музыканты отъ природы: дѣти ихъ выучиваются пѣть, какъ другіе выучиваются говорить, и часто, въ бѣдныхъ хижинахъ, вы встрѣтите людей, которые занимаются музыкою. Въ праздничный день отцы, матери и дѣти садятся на порогѣ дома и поютъ хоромъ довольно согласно.

Однажды, въ воскресенье, въ прекрасный лѣтній вечеръ, какой-то иностранецъ бродилъ по окрестностямъ Блессевитца; онъ подошелъ къ одной бѣдной хижинѣ и услы-

шалъ въ ней стройное пѣніе нѣсколькихъ голосовъ, сопровождаемое мастерскою игрою на фортепіано. Онъ вошелъ въ хижину и просилъ позволенія присутствовать при этомъ необыкновенномъ концертѣ.

«Съ большимъ удовольствіемъ!—не угодно-ли садиться?» отвѣчалъ отецъ семейства, подавая ему стулъ. Какъ-же изумился незнакомецъ, когда увидѣлъ, что артистъ, такъ искусно игравшій на фортепіано, былъ небольшой мальчикъ.

— Какая точность, какая сила, какая душа! Сынъ вашъ будетъ замѣчательнымъ артистомъ,—сказалъ незнакомецъ Науманну отцу.

«Ахъ! милостивый государь,» отвѣчалъ крестьянинъ: «я и тѣмъ буду доволенъ, если ему удастся быть школьнымъ учителемъ въ Блессевитцѣ; тогда, по крайней мѣрѣ, мальчики нашей деревни не станутъ ходить

учиться грамотѣ въ Дрезденъ, какъ теперь нашъ любезный Амедей.»

— Такой мальчикъ школьнымъ учителемъ! Да это, просто, убійство, другъ мой! — сказалъ иностранецъ. — Оставить въ деревнѣ такое сокровище, значитъ бросить жемчужину въ болото..... Кто училъ его пѣть?

«Природа, сударь.»

— А играть на фортепіано?

«Частію я, частію мать, а больше всего тоже природа, потому что малютка играетъ лучше насъ обоихъ.»

Амедей смотрѣлъ съ удивленіемъ то на незнакомца, молодаго человѣка пріятной наружности, то на отца и мать, которые были въ восхищеніи отъ похвалъ сыну.

— Ребенокъ этотъ не долженъ быть школьнымъ учителемъ: онъ родился артистомъ, музыкантомъ, а потому и надобно сдѣлать изъ него музыканта.

«А средство, милостивый государь?» сказалъ Науманнъ и грустно покачалъ головою.

— Средство?.....Вотъ оно,—отвѣчалъ незнакомецъ, подумавъ нѣсколько минутъ: сынъ вашъ ходитъ въ школу Св. Креста, онъ знаетъ Мессеніуса, друга моего отца. Спросите у него обо мнѣ; онъ скажетъ вамъ, что я членъ королевской капеллы въ Стокгольмѣ и что меня зовутъ Альберги. Я теперь на хорошей дорогѣ; мнѣ двадцать два года; цѣль моя — усовершенствоваться въ музыкѣ; для этого я предпринимаю путешествіе въ Падую, гдѣ намѣренъ брать уроки у знаменитаго Тартини, основателя той славной школы, которая дала ему титло *учителя народовъ*. Теперь выслушайте предложеніе мое касательно вашего сына.....отдайте его мнѣ.....

«Еще разъ разстаться съ семействомъ!» прервалъ Амедей.

Мать обняла ребенка и вскричала съ ужасомъ:

— Разстаться съ сыномъ? О! никогда!

«Подожди, жена,» сказалъ Науманнъ: «и ты тоже, Амедей; вы послѣ объ этомъ потолкуете. И такъ вы сказали, милостивый государь.....» продолжалъ крестьянинъ, обратясь къ Альберги.

— Я сказалъ, что если вы, любезный Науманнъ, отдадите мнѣ вашего сына, я усовершенствую его въ пѣніи и выучу играть на скрипкѣ. Отъ васъ я возму алмазъ необдѣланный, неполированный, неимѣющій, такъ сказать, цѣны..... Черезъ нѣсколько лѣтъ возвращу вамъ сына вашего виртуозомъ, которымъ Германія будетъ гордиться и которому позавидуетъ Италія..... Что скажешь на это, миленькій другъ мой?

«Я скажу, милостивый государь, что это прекрасно;» отвѣчалъ Амедей.

— Талантъ доставляетъ богатство, — продолжалъ молодой Шведъ: — у тебя, какъ я вижу, много братьевъ и сестеръ, кромѣ отца и матери, и имъ не мѣшало-бы жить въ бо̀льшемъ довольствѣ.

«О! если я со временемъ могу быть полезнымъ моему семейству, ѣду съ вами на край свѣта!» сказалъ Амедей.

— Я берусь образовать тебя..... Объ остальномъ заботься самъ.

«О! объ этомъ не безпокойтесь;» отвѣчалъ съ жаромъ Амедей.

— Но я ни за что не отпущу его!—сказала мать, встревоженная при мысли о разлукѣ съ сыномъ.

«Милая маменька! Я для тебя-же хочу сдѣлаться богатымъ;» отвѣчалъ ей Амедей съ чувствомъ...

— Что мнѣ въ богатствѣ безъ тебя?—сказала мать: — одинъ поцѣлуй твой дороже милліоновъ, дитя мое!

«Но подумай, жена,» сказалъ отецъ голосомъ повелительнымъ и вмѣстѣ кроткимъ: «господинъ. этотъ, другъ ученаго Мессеніуса, беретъ его подъ свое покровительство..... Мы должны любить дѣтей для нихъ самихъ, а не для себя. Впрочемъ пусть рѣшитъ это Амедей: дѣло идетъ о немъ.»

Амедей, со слезами на глазахъ, сказалъ иностранцу:

«Милостивый государь! Мы не богаты, но, какъ видите, любимъ другъ друга. Мать моя плачетъ при одной мысли о разлукѣ со мною; отецъ хотя и молчитъ, но я знаю, что у него тяжело на сердцѣ; братья и сестры станутъ рыдать, прощаясь со мною..... Вы хотите сдѣлать меня арти-

стомъ..... я, съ своей стороны, клянусь любить васъ и повиноваться вамъ, какъ отцу. Вотъ рука моя, милостивый государь!»

Иностранецъ улыбнулся, пожалъ руку Амедею и ласково сказалъ ему:

— Хорошо, хорошо, другъ мой; ты найдешь во мнѣ другаго отца.

Мессеніусъ насказалъ семейству Наумана много хорошаго объ Альберги и превозносилъ музыкальныя его дарованія. Отецъ и мать, успокоенные въ этомъ отношеніи, занялись приготовленіями къ отъѣзду сына.

Въ назначенный день Альберги заѣхалъ за Амедеемъ и они отправились въ путь, черезъ деревню Блессевитцъ; жители съ удивленіемъ смотрѣли на нихъ. «Хорошо маленькому Науманну,» говорили они: «онъ въ каретѣ ѣдетъ въ гости къ счастью.»

III.

По пріѣздѣ въ Падую Амедей написалъ къ отцу письмо, исполненное надеждъ на блестящую будущность. Увы! бѣдный ребенокъ не зналъ, какая участь ждетъ его въ Италіи.

«Будете-ли вы сегодня давать урокъ?» спрашивалъ онъ ежедневно у своего покровителя.

— Вычисти мнѣ платье и сапоги, да приготовь завтракъ! — отвѣчалъ ему обыкновенно членъ Стокгольмской капеллы.

Покровитель уходилъ со двора и возвращался не раньше вечера. Бѣдный мальчикъ со слезами опять спрашивалъ: «Буду-ли я сегодня учиться?»

Альберги грубо отвѣчалъ:

— Завтра.

«Хорошо, завтра!»

Такъ прошло много времени и Амедей, къ крайней горести, замѣтилъ, что покровитель его и не думаетъ объ исполненіи своихъ обѣщаній. Ложась спать, онъ всякій разъ говорилъ про себя: «жить въ этой прекрасной странѣ и оставаться простымъ слугою у того, кто долженъ быть моимъ учителемъ!» Не желая опечалить родителей, онъ не писалъ къ нимъ о горькомъ разочарованіи своемъ; при томъ-же, какъ всѣ добрые и довѣрчивые дѣти, онъ надѣялся, что учитель будетъ внимательнѣе къ нему и займется наконецъ его образованіемъ.

Однажды вечеромъ Альберги приказалъ ему нести за собою футляръ съ скрипкой; Амедей, со вздохомъ, повиновался.

Они вошли въ великолѣпный домъ, гдѣ, по видимому, дѣлались приготовленія къ празднику; на дворѣ толпился народъ; садъ былъ иллюминованъ съ большимъ вкусомъ.

Альберги взялъ скрипку и вошелъ въ концертный залъ. Амедей остался въ передней. Вскорѣ начался концертъ. Одинъ изъ артистовъ игралъ соло съ такимъ совершенствомъ, что Амедей забылъ всѣ свои горести и въ упоеніи готовъ былъ вбѣжать въ залу, чтобы взглянуть поближе на виртуоза. Одинъ изъ слугъ остановилъ его.

— Стой: куда ты? Развѣ слуга входитъ въ залу, когда его не зовутъ?

«Это правда,» отвѣчалъ Амедей, опомнясь; «но скажите мнѣ, Бога ради, какъ зовутъ артиста, который сейчасъ игралъ соло?»

— Ты вѣрно не Падуанецъ, если не знаешь синьора Тартини, *Учителя народовъ!*

«Тартини! Я у Тартини!.....» сказалъ мальчикъ, устремивши взоры на знаменитаго маэстро, о которомъ онъ слыхалъ такъ часто. «Это тотъ Тартини, у котораго господинъ мой беретъ ежедневно уроки?»

— И господинъ твой, и другіе; у насъ много учениковъ, и есть знаменитые.

Амедей замолчалъ; въ головѣ у него родилась одна мысль.

«Позвольте предложить вамъ еще вопросъ,» сказалъ Амедей, послѣ долговременнаго молчанія: «Синьоръ Тартини, вашъ господинъ, даетъ уроки всѣмъ безъ разбору?»

— Ну да, лишь-бы хорошо платили. Говорятъ даже, да я не совсѣмъ этому вѣрю, что съ иныхъ онъ совсѣмъ не беретъ денегъ.....Мнѣ впрочемъ извѣстно, что твой господинъ, синьоръ Альберги, платитъ, что Г-жа Сирманъ платитъ, Нардини, Па-

скалино Бони, Доминико Феррари платятъ, и дорого платятъ.

«Какъ-бы я желалъ его видѣть!»

— Вотъ смотри: онъ идетъ сюда и кланяется синьору Альберги.

«Какъ! Этотъ прекрасный старикъ — онъ?» спросилъ съ удивленіемъ Амедей.

— Неужели-же ты думалъ, что Тартини молодой человѣкъ? Ему теперь 65 лѣтъ.

Амедей пристально смотрѣлъ на великаго артиста. Въ это время Альберги вышелъ въ переднюю и сказалъ ему:

— Пойдемъ, неси за мной скрипку!

«Сейчасъ!»

Амедей взялъ инструментъ, но не понесъ его за Альберги, а тихонько положилъ подъ столъ; самъ-же пошелъ вслѣдъ за господиномъ своимъ, стараясь не подходить къ нему слишкомъ близко. — Ворота дома затворились за Альберги.

— А гдѣ-же скрипка? — сказалъ онъ маленькому Науманну, видя, что у него ничего нѣтъ въ рукахъ.

«Ахъ! я забылъ ее!» пробормоталъ Амедей.

— Ты все такъ дѣлаешь! — сказалъ съ досадою Альберги: — она мнѣ нужна завтра утромъ.

«Я принесу ее!» отвѣчалъ мальчикъ.

— Да кстати: закричалъ ему Альберги: — прошу впередъ не будить меня по утрамъ твоей негодной скрипкой.

Амедей не отвѣчалъ ни слова.

IV.

На другой день Амедей одѣлся, какъ могъ лучше, расчесалъ и щеголевато завилъ прекрасные бѣлокурые волосы свои, надѣлъ бѣлую манишку и, помолившись Богу, пошелъ къ Тартини.

Дорогой онъ сочинялъ въ умѣ рѣчь, которую хотѣлъ произнести передъ Тартини, подбиралъ выраженія самыя убѣдительныя, принималъ тонъ голоса самый вкрадчивый и кроткій; если кто нибудь изъ приходящихъ видѣлъ его, когда онъ шелъ по улицѣ, говорилъ самъ съ собою и размахивалъ руками, то вѣрно принялъ его за сумасшедшаго. Наконецъ онъ въ домѣ великаго маэстро.

«Можно-ли видѣть синьора Тартини?» спросилъ онъ у слуги.

— Ступай, гдѣ играютъ на скрипкѣ, и придешь прямо въ его кабинетъ.

Амедей не рѣшался; слуга прибавилъ:

— Баринъ одинъ; ступай!

Все мужество Амедея исчезло при этихъ словахъ: «*Баринъ одинъ!*» Мысль, что онъ, бѣдный крестьянскій мальчикъ, останется наединѣ съ величайшимъ въ мірѣ маэстро, какъ будто приковала его къ полу.

Слуга засмѣялся и, толкнувши его въ комнату, сказалъ:

— Да ступай-же!.... Боже мой, какъ глупъ этотъ мальчикъ!

Подобно машинѣ, приведенной въ движеніе, пошелъ Амедей къ гостинной, дверь которой была притворена; онъ остановился, какъ очарованный, и съ жадностію упивался гармоническими и сладостными звуками

великаго маэстро, котораго, въ наше время, Паганини превзошелъ, быть можетъ, въ силѣ, но ужъ, конечно, не въ трогательной прелести.

Въ комнату вошла какая-то дама; она замѣтила смущеніе Амедея и съ улыбкою спросила, что ему надобно. Слова эти произнесла она очень тихо, какъ будто боялась проронить хоть одинъ звукъ волшебной скрипки.

Амедей молчалъ; онъ и не замѣтилъ ее. Дама тронула его рукой; мальчикъ вскрикнулъ, какъ будто проснувшись въ испугѣ, потомъ шопотомъ произнесъ:

«Тише!..... Оставьте меня!..... Звуки эти льются съ неба.....»

Дама громко захохотала; скрипка умолкла; дверь отворилась и Амедей очутился, самъ не зная какъ, передъ старикомъ прекрасной наружности и дамой среднихъ лѣтъ.

— Что это такое, Біанка?—спросилъ старикъ.

«Орфей одушевлялъ камни, другъ мой; но вы чудеснѣе Орфея: вы превращаете людей въ камни..... посмотрите на этого ребенка!»

— Что тебѣ надобно, другъ мой?—спросилъ ласково Тартини.

«Я никогда не осмѣлюсь.....» отвѣчалъ Амедей.

— Наружность твоя мнѣ нравится и я буду радъ, если могу быть тебѣ полезнымъ.

«О если-бы сбылось мое желаніе!» сказалъ Амедей, ободренный ласковымъ видомъ старика: «Вы мнѣ можете дать болѣе, чѣмъ жизнь; вы можете доставить мнѣ средства облегчить участь родителей моихъ, которые такъ плакали, разставаясь со мною.»

Тартини посадилъ Амедея возлѣ себя, говорилъ съ нимъ о семейныхъ его обстоя-

тельствахъ и потомъ спросилъ, что привело его въ Падую.

Мальчикъ отвѣчалъ удовлетворительно на вопросы, разсказалъ, что онъ живетъ въ Падуѣ уже цѣлый годъ, но что Альберги не учитъ его музыкѣ, а заставляетъ чистить сапоги и готовить кушанье.

— Такъ ты хочешь, чтобы я поговорилъ о тебѣ съ Альберги?

«Нѣтъ.....не совсѣмъ этого.....»

— Я не понимаю тебя: что-же тебѣ надобно?

«Мнѣ-бы хотѣлось.....» сказалъ Амедей съ какимъ-то рѣшительнымъ отчаяніемъ: «....мнѣ-бы хотѣлось присутствовать при вашихъ урокахъ.....быть тамъ.....въ углу..... я бы слушалъ, не трогаясь съ мѣста.....О! не откажите мнѣ въ этомъ, или я умру съ горя!....»

— Хорошо, я могу исполнить твое желаніе; но, вѣдь для тебя это безполезно,

милый мой.....Ты долженъ учиться музыкѣ по правиламъ. Можешь-ли ты владѣть смычкомъ?

«О, да! я выучился самъ,» отвѣчалъ Амедей не такъ уже робко.

— Самъ! — повторилъ Тартини и Біанка жена его.

«Что-же дѣлать? Покровитель мой не исполнилъ своего обѣщанія.»

— Любопытно послушать тебя.—Тартини принесъ скрипку и подалъ ее Амедею.

Мальчикъ былъ тронутъ вниманіемъ Тартини и ласками его; онъ началъ играть съ такою легкостію, что маэстро вскричалъ:

— Ты будешь лучшимъ моимъ ученикомъ! Вотъ твой первый урокъ!

— Кто сочинилъ піэсу, которую ты сейчасъ сыгралъ?

«Я,» отвѣчалъ простодушно Амедей.

— Ты?

АМЕДЕЙ НАУМАННЪ.

Рис: на кам: В. Папе. Печ: въ Лит: Тюлева.

Ты будешь лучшимъ моимъ ученикомъ!

«Да, сударыня; піэса, конечно, дурна; но что-же дѣлать? А между тѣмъ я умолялъ дьявола сдѣлать для меня то-же, что онъ сдѣлалъ для синьора Тартини.»

— Ахъ! да,—сказалъ маэстро съ улыбкой: —ты говоришь о моей «Чертовой сонатѣ»; ты думаешь, что дьяволъ, въ самомъ дѣлѣ, продиктовалъ ее мнѣ?

«Такъ всѣ говорятъ.»

— Выслушай меня,—сказалъ серьозно Тартини. Я не хочу, чтобы такой умный мальчикъ, какъ ты, раздѣлялъ, въ этомъ случаѣ, мнѣніе людей необразованныхъ. Я видѣлъ во снѣ дьявола.....это правда.....Но я разскажу тебѣ весь сонъ. Это случилось въ 1713 году; мнѣ было тогда двадцать одинъ годъ. Верренъ Флорентійскій, мой учитель, соперникъ и другъ, часто говорилъ мнѣ, что кто хочетъ хорошо сочинять и играть, тотъ непремѣнно долженъ видѣть бѣса. Вотъ

однажды мнѣ приснилось это адское существо; я съ нимъ заключилъ условіе и дьяволъ поступилъ ко мнѣ въ услуженіе. Желанія мои стали исполняться; новый слуга предупреждалъ всѣ мои приказанія. Разъ мнѣ вздумалось испытать, — все это, разумѣется, во снѣ, — сыграетъ-ли дьяволъ что нибудь на скрипкѣ? Каково-же было мое удивленіе, когда онъ исполнилъ передо мною превосходную сонату съ такимъ искуствомъ, съ такою ловкостію, что во всю мою жизнь я не слыхалъ ничего подобнаго. Удивленіе и восторгъ произвели во мнѣ какое-то болѣзненное содроганіе. Я проснулся и схватилъ скрипку, въ надеждѣ уловить хотя нѣкоторые звуки, очаровавшіе меня во снѣ; но всѣ усилія были тщетны. Піэса, которую я написалъ тогда, считается лучшею изъ всѣхъ моихъ сочиненій. Я назвалъ ее «Чертовой сонатой,» хотя она несравненно ниже

той, которую я слышалъ во снѣ. Я навѣрное разбилъ-бы скрипку и навсегда оставилъ музыку, если-бы только могъ отказать себѣ въ наслажденіяхъ, которыя она мнѣ доставляетъ.

Послѣ этого разсказа Тартини помолчалъ нѣсколько минутъ, какъ будто находился подъ вліяніемъ прелестныхъ воспоминаній молодости; потомъ онъ отпустилъ своего новаго ученика.

Амедей Науманнъ пробылъ въ Италіи восемь лѣтъ. Слава его безпрестанно возрастала; Густавъ III, желая привлечь его къ своему двору, дѣлалъ ему самыя блестящія предложенія. Амедей Науманнъ могъ похвалиться, что до него ни одинъ композиторъ не пользовался такою честію, какъ онъ; Густавъ III написалъ либретто для оперы: *Густавъ Ваза;* Науманнъ сочинилъ музыку.

Науманнъ возвратился на свою родину въ Саксонію. Однажды, прогуливаясь въ Дрезденѣ, въ паркѣ Курфирста, онъ пораженъ былъ апоплексическимъ ударомъ и скончался 27 мая 1801 года.

ІОСИФЪ ГАЙДЕНЪ.

I.

Въ Австріи, на границѣ Венгріи, есть маленькая деревенька Рорау. Мая 31-го, 1738 года, на улицѣ ея рѣзвилось нѣсколько мальчиковъ. Вдругъ замѣтили они въ недальнемъ разстояніи отъ деревни, на большой дорогѣ, изломанную почтовую коляску и тотчасъ бросились туда со всѣхъ ногъ; только одинъ мальчикъ, лѣтъ шести, не тронулся съ мѣста: онъ спокойно, по прежнему, напѣ-

валъ нѣмецкую пѣсенку и игралъ на скрипкѣ своего изобрѣтенія: это была дощечка съ веревочными струнами и прутикомъ вмѣсто смычка.

«Сепперлъ, Сепперлъ! Что-жъ ты нейдешь?» кричали ему другія дѣти: «Вѣдь, это помѣщикъ пріѣхалъ!»

— Помѣщикъ! — повторилъ мальчикъ, качая головою: — Какой помѣщикъ? Вишь, у него почтовыя лошади и экипажъ на двухъ колесахъ. Развѣ ты забылъ, Николай? Помѣщикъ всегда пріѣзжаетъ на своихъ лошадяхъ и въ каретѣ.

«Все-таки не худо взглянуть, кто пріѣхалъ; пойдемъ!»

— Пожалуй, ступай; мнѣ прежде надо припомнить пѣсню Гамбургскаго учителя, — отвѣчалъ мальчикъ.

«Нечего говорить! Стоитъ труда!» подхватилъ другой мальчикъ: «она только и годится для похоронъ.»

— Пусть такъ; все равно! — спокойно отвѣчалъ музыкантъ, продолжая водить прутомъ по дощечкѣ.

«Пойдемъ-же! Пойдемъ, Сепперлъ!» кричали мальчики со всѣхъ сторонъ и начали тащить его, кто за руки, кто за ноги, за плеча и даже за волосы.

— Гансъ! Фрицъ! Карлъ! Генрихъ! Николай! Оставьте меня! — говорилъ Сепперлъ, отбиваясь отъ товарищей; но они пересилили его, и маленькій музыкантъ долженъ былъ идти съ ними.

Дѣти веселою толпой подбѣжали къ изломанной почтовой коляскѣ именно въ ту минуту, когда почтальонъ вытаскивалъ изъ нея маленькаго, очень толстаго человѣка. Голова путешественника была совсѣмъ голая, руки и ноги необыкновенно коротки, а туловище чудовищной толстоты.

«Гдѣ мой парикъ? Куда дѣлся парикъ мой?» были первыя слова его.

Но, обернувшись, онъ увидѣлъ его на головѣ одного изъ мальчиковъ. Парикъ переходилъ изъ рукъ въ руки и съ головы на голову.

«Подайте парикъ! Подайте парикъ!» кричалъ путешественникъ, гоняясь за мальчиками; но напрасно: шалуны отъ него ускользали и смѣялись надъ нимъ.

Сепперлъ нисколько не участвовалъ въ шалостяхъ товарищей, а спокойно продолжалъ играть и пѣть. Ему стало жаль путешественника. Онъ подошелъ къ шумной толпѣ шалуновъ и сказалъ имъ самымъ серьёзнымъ тономъ: «Полно, дѣти, отдайте парикъ!»

Путешественникъ думалъ, что слова маленькаго покровителя его нисколько не подѣйствуютъ; онъ былъ меньше и слабѣе

прочихъ дѣтей: но вышло на оборотъ. Самый большой шалунъ схватилъ парикъ съ головы сосѣда своего и почтительно поднесъ его пріѣзжему, говоря:

— Сепперлъ посылаетъ вамъ его.

«Коляска совсѣмъ изломалась; въ ней нельзя дальше ѣхать,» сказалъ почтальонъ.

— Сломалась? Сломалась? — пробормоталъ путешественникъ; этого еще не доставало! — И онъ надѣлъ парикъ задомъ напередъ.

— Да гдѣ-жъ мы теперь? — спросилъ онъ.

«Въ деревнѣ Popay,» отвѣчали дѣти.

— Popo, Popo! что за Popo? Чортъ побери вашу Popo! А далеко-ли до Гамбурга?

«Съ часъ ходьбы,» отвѣчалъ мальчикъ.

— Что ты, Николай? До Гамбурга едва-ли будетъ четверть часа ходьбы, — подхватилъ другой.

«Туда и въ десять минутъ добѣжишь,» перебилъ третій.

— Вы думаете, я также побѣгу, какъ вы? Ахъ вы, мужичье; да знаете-ли вы, съ кѣмъ говорите? Я.....

«Намъ что за дѣло, кто вы?» сказалъ Сепперлъ, вмѣшиваясь въ разговоръ: «Будьте вы хоть Гамбургскій школьный учитель, хоть самъ помѣщикъ; вамъ все-таки надо идти цѣлый часъ до Гамбурга, если пойдете тихо; полчаса, когда будете торопиться; десять минутъ, какъ уже сказалъ Гансъ, если побѣжите очень скоро.»

— Нельзя-ли найти въ вашей деревнѣ какую нибудь коляску, или какой другой экипажъ? — спросилъ путешественникъ.

«У папеньки есть тѣлега;» отвѣчалъ Сепперлъ.

— Что за дурачье!—пробормоталъ пріѣзжій. Что-жъ ты стоишь и куришь трубку?— сказалъ онъ почтальону: развѣ мы пріѣхали на станцію? Ты-бы лучше.....

«Коляска сломалась; значитъ тутъ и станція;» прервалъ его почтальонъ.

— Вотъ разсужденіе!—вскричалъ маленькій человѣкъ и покраснѣлъ отъ досады; но зная упрямство, грубость и неповоротливость нѣмецкихъ почтальоновъ, спросилъ довольно спокойно: есть-ли тутъ, по крайней мѣрѣ, кузнецъ?

— Сепперлъ, отвѣчай: это до тебя касается, — закричали мальчишки.

«Да, есть;» сказалъ Сепперлъ.

— Хорошъ-ли онъ?

«Здѣсь только одинъ и есть.»

— Ну такъ сходи за нимъ,—сказалъ пріѣзжій:—пусть онъ придетъ и починитъ колесо.

«Который теперь часъ?» спросилъ Сепперлъ.

— Тебѣ на что?

«А вотъ на что: если семь часовъ, то папенька занимается музыкою; ему нельзя

мѣшать: онъ не захочетъ и говорить съ вами.»

— Я думаю, отецъ твой играетъ молотомъ по наковальнѣ,—съ презрѣніемъ отвѣчалъ пріѣзжій.

«Нѣтъ, извините: онъ играетъ на арфѣ;» серьёзно отвѣчалъ Сепперлъ.

— Вотъ любопытно послушать, какъ кузнецъ играетъ на арфѣ! Должно быть хорошо!

«Вы можете послушать; онъ живетъ недалеко отсюда;» отвѣчалъ Сепперлъ.

Путешественникъ велѣлъ почтальону смотрѣть за коляской и своими вещами, а самъ пошелъ съ мальчикомъ слушать игру артиста-кузнеца. Отошедъ немного, они услышали самые нестройные звуки арфы и какое-то непріятное, монотонное пѣніе.

— Фи, какъ дурно!—сказалъ путешественникъ.

«Да развѣ я говорилъ вамъ, что онъ играетъ хорошо?» отвѣчалъ Сепперлъ.

Черезъ нѣсколько минутъ путешественникъ подошелъ къ маленькой, черной кузницѣ: у дверей и внутри ея валялись необтянутыя деревенскія колеса. Онъ вошелъ и ему представилась странная картина: запачканый, довольно молодой человѣкъ держалъ въ рукахъ арфу; многія струны на ней были порваны; по остальнымъ онъ升 дралъ безъ милосердія своими жесткими пальцами. Передъ кузнецомъ, съ прялкою въ рукахъ, сидѣла молодая, красивая женщина; она пѣла. Мужъ и жена тотчасъ встали и вѣжливо спросили путешественника, что ему надо.

«Этотъ господинъ хочетъ послушать вашей музыки,» отвѣчалъ Сепперлъ.

— Совсѣмъ нѣтъ! — отвѣчалъ пріѣзжій, невольно затыкая уши. — У меня сломалось

колесо; нельзя-ли вамъ сейчасъ починить его?

«Очень хорошо!» отвѣчалъ кузнецъ, взялъ инструменты свои и вышелъ на улицу вмѣстѣ съ путешественникомъ. «Вы, вѣрно, не любите музыки?» спросилъ кузнецъ во время дороги.

Пріѣзжій улыбнулся и отвѣчалъ: — Я только вашей не люблю.

«Видно, этотъ господинъ слишкомъ взыскателенъ,» шепнулъ отцу Сепперлъ. Кузнецъ улыбнулся.

II.

На другой день, въ воскресенье, маленькій Сепперлъ, чѣмъ свѣтъ, выскочилъ изъ своей кроватки.

— Куда ты? Еще очень рано; — сказала ему мать.

«Никуда!» отвѣчалъ мальчикъ, поспѣшно одѣваясь.

— Такъ на что-же вставать до свѣта?

«Нынче воскресенье.»

— Да, вѣдь, по воскресеньямъ нечего дѣлать.

«Отъ того-то я и тороплюсь.»

— Такъ ты торопишься ничего не дѣлать? — со смѣхомъ сказала мать.

«Да, я всегда радъ радешенекъ, если мнѣ дѣлать нечего; въ воскресенье, напримѣръ, не надо идти въ школу, не надо распрямлять гвоздей, не надо таскать дровъ изъ лѣсу; папенька никуда не посылаетъ, маменька не заставляетъ мотать нитки.....работы никакой нѣтъ! Вотъ, отъ чего я встаю до свѣту.»

— Однако-жъ сегодня надо пѣть,—сказала мать.

«Пѣніе не работа.»

— Мы пойдемъ въ церковь.

«И въ церковь ходить не работа;» отвѣчалъ мальчикъ. Онъ совсѣмъ одѣлся, пошелъ въ кузницу, взялъ свою дощечку и прутикъ, вышелъ на улицу, сѣлъ на порогѣ и началъ играть на своей скрипкѣ. Часа черезъ два прибѣжалъ къ нему сынъ школьнаго учителя.

— Сепперлъ! Пойдемъ скорѣе!—кричалъ онъ еще издали: —Папенька зоветъ тебя!

«Спасибо, Андрей!» отвѣчалъ мальчикъ, не трогаясь съ мѣста. Сегодня воскресенье; довольно терпимъ мы отъ него муки и по буднямъ, а то еще въ праздникъ.....

— Тебя зовутъ совсѣмъ не для ученья; вчера пріѣхалъ къ намъ какой-то господинъ; онъ собираетъ голоса.....

«Голоса!» повторилъ Сепперлъ: «а на что они ему?»

— Я не знаю; онъ заставлялъ меня пѣть: но, къ счастью, нашелъ, что у меня дурной голосъ.

«Такъ онъ, вѣрно, захочетъ взять мой. Нѣтъ, ужъ я не дамъ ему своего!»

— Ну, пойдемъ; у тебя его не отнимутъ,— отвѣчалъ Андрей.

«И въ самомъ дѣлѣ,» сказалъ Сепперлъ, вставая.

— Я пойду съ тобою, Сепперлъ.

Маленькій Сепперлъ побѣжалъ къ матери, объявилъ ей желаніе школьнаго учителя и тотчасъ-же отправился съ Андреемъ по дорогѣ въ Гамбургъ. Дѣти вошли въ комнату учителя, когда онъ угощалъ завтракомъ маленькаго толстаго человѣка. Сепперлъ тотчасъ узналъ своего вчерашняго знакомца.

«Вотъ дитя, о которомъ я уже говорилъ вамъ, господинъ Рейтеръ,» сказалъ учитель, подводя маленькаго Сепперла.

— Я его гдѣ-то видѣлъ,—отвѣчалъ Рейтеръ.

«И я васъ гдѣ-то видѣлъ,» сказалъ Сепперлъ.

— Гдѣ же?

«Вчера на большой дорогѣ.»

— Господинъ Рейтеръ,—продолжалъ учитель:—я разскажу вамъ, какъ узналъ этого мальчика: Однажды, года два тому назадъ, я пошелъ гулять по дорогѣ къ деревнѣ Рорау.

Былъ уже вечеръ. Я шелъ очень медленно, въ большой задумчивости; вдругъ меня поразила довольно пріятная музыка: кто-то игралъ на арфѣ и пѣлъ; по временамъ слышался дѣтскій голосъ, чистый, свѣжій, въ высочайшей степени привлекательный. Мнѣ хотѣлось вблизи послушать концертъ.....Я вошелъ въ кузницу Гайдена и увидѣлъ доморощеныхъ музыкантовъ. Честный ремесленникъ игралъ на дурной арфѣ; жена его пѣла очень порядочно; возлѣ нея стоялъ мальчикъ лѣтъ четырехъ; онъ то-же пѣлъ и билъ тактъ своею маленькою ноженкою, и такъ вѣрно, что я удивился. Я подошелъ къ нимъ и просилъ отца отдать сына ко мнѣ въ школу; я обѣщался выучить его читать, писать ноты, однимъ словомъ — всему, что долженъ знать порядочный музыкантъ. Отецъ охотно принялъ мое предложеніе и я сдѣлалъ изъ него настоящаго музыканта, го-

сподинъ капельмейстеръ.—При торжественныхъ случаяхъ, или по праздникамъ въ церкви, онъ всегда играетъ на литаврахъ.»

Въ продолженіи всего разсказа Рейтеръ пристально смотрѣлъ на мальчика.—А! ты играешь на литаврахъ? — спросилъ онъ.

«Я бью въ нихъ,» отвѣчалъ Сепперлъ.

— Именно, ты бьешь ихъ, — повторилъ капельмейстеръ, улыбаясь: — и ты хорошо бьешь ихъ? Не правда-ли?..... А часто приходится тебѣ бить литавры?

«Не такъ часто, какъ самому терпѣть побои,» сказалъ маленькій Гайденъ, поднялъ глаза и увидѣлъ передъ собою, на столѣ, полную тарелку вишенъ. Онъ страстно любилъ вишни; а тутъ лежали такія спѣлыя, крупныя, румяныя. Онъ совершенно забылся и только видѣлъ тарелку съ вишнями.

Капельмейстеръ нѣсколько разъ просилъ его спѣть что нибудь, но напрасно: Сеп-

перлъ ничего не слыхалъ. Наконецъ Рейтеръ замѣтилъ, что все вниманіе мальчика обращено на плоды.

— Спой что нибудь, и я дамъ тебѣ горсть вишенъ, — сказалъ онъ.

Обѣщаніе подѣйствовало: маленькій Гайденъ медленно запѣлъ церковный гимнъ — простой, мелодическій.

— Превосходно! Чудесно! — вскричалъ Рейтеръ: — сдѣлай теперь трель.

«Трель! А что такое трель? Я не знаю; да вѣрно и учитель тоже не знаетъ.» Тутъ мальчикъ протянулъ обѣ руки и капельмейстеръ наклалъ ему вишенъ цѣлыя пригоршни.

— Ну, дружечекъ, не хочешь-ли оставить Гамбургскаго учителя и отправиться со мною въ Вѣну?

«Бросить школу отъ души радъ; но ѣхать съ вами..... я васъ не знаю.....»

— Вотъ видишь: меня зовутъ Рейтеръ; я капельмейстеръ,—ласково отвѣчалъ путешественникъ; — управляю придворною музыкою и въ тоже время хоромъ соборныхъ пѣвчихъ въ Вѣнѣ. Теперь я ищу голосовъ.....

«А, вы хотите взять мой голосъ?» прервалъ его маленькій Гайденъ: «Покорно благодарю, господинъ капельмейстеръ; мнѣ вашего голоса не надо, за то я и своего не отдамъ вамъ.....»

— Ты не понимаешь меня, дружокъ, — ласково сказалъ Рейтеръ.—Вотъ видишь: отецъ твой кузнецъ и тебя сдѣлаетъ кузнецомъ. А я отвезу тебя въ Вѣну, научу пѣть, играть, сочинять; ты будешь господиномъ, артистомъ; тебя всѣ станутъ уважать, приглашать къ себѣ въ гости..... Видишь, что будетъ, если ты поѣдешь со мною. Ну, о чемъ тутъ думать?

«А дадите мнѣ еще вишенъ?» спросилъ Сепперлъ.

ЮОСИФЪ ГАЙДНЪ.

Рис: на кам: В. Папе. Печ: въ Лит: Тюлева.

Я хозяинъ!

— На первый случай вотъ тебѣ вся эта тарелка,—сказалъ путешественникъ:—въ Вѣнѣ у меня въ саду есть пропасть вишенъ и ты можешь рвать ихъ, сколько душѣ угодно.....

«Ѣду, ѣду съ вами на край свѣта!» сказалъ мальчикъ, хватая вишни.

— Постой-ка еще! — спросилъ Рейтеръ: —позволитъ-ли тебѣ отецъ?

«Позволитъ.»

— Ну, а если онъ не позволитъ?

«Ужъ позволитъ, если я и маменька захотимъ;» отвѣчалъ мальчикъ.

— Развѣ не онъ хозяинъ въ домѣ?

«Я хозяинъ.»

Всѣ захохотали при этомъ отвѣтѣ; мальчикъ покраснѣлъ и сказалъ:

«Ну, да, я хозяинъ: маменька дѣлаетъ все, что мнѣ захочется; а папенька испол-

няетъ волю маменьки..... слѣдовательно..... вы понимаете.....»

— Ступай-же, выпроси позволеніе у своихъ родителей.

III.

Черезъ четверть часа Сепперлъ былъ уже дома; родители его отдыхали послѣ обѣдни и разговаривали между собою.

«Прощайте папенька! Прощайте маменька!» сказалъ онъ, входя въ комнату. «Поцѣлуйте меня! Я уѣзжаю въ Вѣну съ тѣмъ маленькимъ господиномъ, которому вы вчера чинили колесо и которому такъ не понравилась ваша музыка.»

— Ха, ха, ха! Что-же ты будешь дѣлать въ Вѣнѣ? — спросилъ отецъ.

«Я стану пѣть, играть, у меня будетъ нарядное платье; а когда выросту, буду богатъ, очень богатъ.....»

— Что ты? Что ты?—прервалъ его отецъ. — Поди-ка лучше играть; намъ надо поговорить кой-о-чемъ.

«Я вамъ говорю, что уѣзжаю; развѣ вы не понимаете?» повторилъ мальчикъ.

— А мы не пустимъ тебя, — отвѣчала мать.

«Послушай, миленькая маменька!» сказалъ Сепперлъ, обвивая руками шею матери: «Я продалъ себя за тарелку вишенъ; я ихъ поѣлъ и не могу отступиться отъ своего обѣщанія.»

— Какъ такъ? Продалъ себя за вишни?— спросилъ отецъ.

Мальчикъ все разсказалъ. Въ это время вошелъ учитель и капельмейстеръ. Они подтвердили слова Сепперла. Рейтеръ надавалъ родителямъ множество обѣщаній и старался возбудить въ нихъ самыя заман-

чивыя надежды. Наконецъ Гайденъ сказалъ съ тяжелымъ вздохомъ: «поѣзжай, сынъ мой; только проси Бога, чтобъ эти вишни не обошлись тебѣ дорого.»

— Это ужъ моя забота,—отвѣчалъ Рейтеръ.

Маленькій Гайденъ прибылъ въ Вѣну; онъ съ жаромъ предался музыкѣ, и успѣхи его изумляли всѣхъ. На десятомъ году онъ уже сочинялъ хоры въ шесть и въ восемь голосовъ и съ торжествомъ показывалъ свои сочиненія Рейтеру. Однажды Гайденъ принесъ ему листъ бумаги, кругомъ исписанный.

— Что это такое?—спросилъ капельмейстеръ, повертывая листъ.

«Это хоръ на шесть голосовъ,» съ торжествомъ отвѣчалъ Гайденъ.

— Названіе звучное! Зачѣмъ ты наставилъ столько нотъ?

«Потому что..... это очень ясно..... Вы понимаете?» сказалъ съ замѣшательствомъ маленькій композиторъ.

— Ничего не понимаю; ты до того испестрилъ листъ, что я не доищусь самаго мотива. На что ты такъ перечеркалъ ноты по три, по четыре раза?..... Поди передѣлай всю піэсу и покажи мнѣ ее опять!

«Я думалъ,» печально отвѣчалъ мальчикъ: «чѣмъ чернѣе бумага, тѣмъ лучше музыка.»

Прошло семь лѣтъ; Гайденъ оканчивалъ свое музыкальное воспитаніе. Вдругъ умеръ покровитель его, Рейтеръ; молодой артистъ остался безъ пристанища, безъ куска хлѣба, безъ денегъ. Онъ нанялъ уголокъ на чер-

даке и не зналъ даже, чѣмъ будетъ платить за него; онъ перенесъ туда все свое богатство — старое фортепіано, которое чуть держалось на ножкахъ.

IV.

Молодой Гайденъ распродалъ свое платье, чтобъ имѣть кусокъ хлѣба; родители его померли, и онъ остался одинъ на бѣломъ свѣтѣ. Нищета и голодъ положили на немъ страшный слѣдъ свой, но отчаяніе никогда не касалось души его. Онъ бывалъ даже по временамъ счастливъ: иногда кое-какъ примащивался къ своему фортепіано, или просто становился передъ нимъ на колѣни, и всю скорбь души своей переливалъ въ звуки. Тогда онъ забывалъ горькую дѣйствительность и наслаждался всею полнотою души своей.

Не надобно однако-жъ думать, чтобъ молодой артистъ только пѣлъ, игралъ и терпѣлъ нужду; нѣтъ, онъ употреблялъ все-

возможныя усилія, чтобы добыть уроки. Иногда друзья покойнаго Рейтера извѣщали его, что въ такомъ-то домѣ нуженъ учитель музыки. Гайденъ отправлялся туда; но его печальное лице, изношенное платье, застѣнчивость, робкій взглядъ, — все было причиною, что его скорѣе почитали нищимъ, нежели учителемъ. И лакеи часто не пускали его въ переднюю, или съ грубостью высылали вонъ.

Разъ онъ, послѣ многихъ неудачъ, возвращался домой и медленно всходилъ по лѣстницѣ; ему попались на встрѣчу двѣ дамы: одна очень молодая, а другая пожилыхъ лѣтъ. Гайденъ посторонился и далъ имъ дорогу. Молодая дѣвушка говорила что-то и смѣялась; но она взглянула на блѣдное, печальное лице артиста и улыбка исчезла съ лица ея.

Гайдену было тогда семнадцать лѣтъ; онъ былъ высокаго роста и ужасно худъ;

лице его было покрыто мертвенною блѣдностію; въ большихъ голубыхъ глазахъ сверкалъ какой-то дикій огонь. По бѣдному изорванному платью можно было видѣть, что онъ терпитъ ужасную нужду.

«Кто это? Что онъ тутъ дѣлаетъ? Неуже-ли несчастіе такъ обезобразило прекрасное лице его?» думала молодая дама, сходя съ лѣстницы; она два раза оглянулась и каждый разъ встрѣчала безжизненный, дикій взглядъ Гайдена; она скоро сѣла въ карету и уѣхала.

Черезъ нѣсколько времени дамы воротились и нашли молодаго человѣка на томъ-же мѣстѣ. Онъ стоялъ, опустивъ голову и закрывъ глаза руками. Онъ не пошевельнулся, когда онѣ проходили мимо него, а только вздрогнулъ и глубоко вздохнулъ. Дѣвица это замѣтила; на лицѣ ея изобразилось глубокое сострадание, она схватила другую даму за руку и онѣ остановились передъ молодымъ человѣкомъ.

«Милостивый государь!» сказала она.

Гайденъ поднялъ голову и не успѣлъ отереть слезы, блестѣвшей на рѣсницахъ его.

«Вы, кажется, несчастны,» продолжала она съ смущеніемъ: «скажите мнѣ, не могу-ли я помочь вамъ? Или лучше, пойдемте къ намъ; дайте вашу руку тетенькѣ.»

Молодой человѣкъ печально взглянулъ на свое платье.

«Оставьте гордость, пойдемте!» ласково сказала дѣвица.

Благодарность блеснула на безцвѣтномъ лицѣ артиста; онъ подалъ руку пожилой дамѣ.

«Гдѣ вы живете?» спросила дѣвица.

— Тамъ, на верху.

«А мы живемъ здѣсь,» сказала она, останавливаясь во второмъ этажѣ.

— Такъ вы, вѣрно, госпожа Мартинецъ? — спросилъ Гайденъ.

«Именно..... Позвольте-жъ и мнѣ узнать имя ваше?»

— Іосифъ Гайденъ. Я сынъ бѣднаго кузнеца, пріѣхалъ въ Вѣну съ капельмейстеромъ Рейтеромъ.

«Ахъ! онъ былъ моимъ учителемъ,» подхватила дѣвица Мартинецъ.

— Тоже и моимъ, — сказалъ Гайденъ, краснѣя.

«Такъ вы вѣрно.....»

— Артистъ, сударыня.

«Зачѣмъ-же вы не даете уроковъ?»

Вмѣсто всякаго отвѣта Гайденъ печально посмотрѣлъ на свое изношенное платье.

«Я буду вашею ученицею: учите меня пѣть;» съ живостію сказала дѣвица Мартинецъ.

Радость мелькнула на выразительномъ лицѣ юноши; но онъ взглянулъ кругомъ себя, ни за что не хотѣлъ сѣсть и отвѣчалъ,

запинаясь: «право..... не знаю..... могу-ли я.....»

«Послушайте: я совершенно независима и могу распоряжаться всѣмъ, что до меня касается. Тетенька — моя подруга и вы, безъ дальнихъ разсужденій, можете сдѣлаться моимъ учителемъ. Покойный Рейтеръ часто разсказывалъ объ одномъ ученикѣ своемъ Сепперлѣ и предсказывалъ ему блестящую будущность.»

— Сепперлъ мое сокращенное имя,—краснѣя сказалъ Гайденъ.

«А, такъ вы Сепперлъ!» вскричала дѣвушка: «Мы старые знакомые, хоть и никогда не видались..... Къ тому-же вы иностранецъ, вы..... (молодая дѣвица не выговорила слова: *бѣдны*) вы..... не имѣете друзей въ Вѣнѣ. Я понимаю положеніе ваше: я тоже на чужой сторонѣ. Будьте моимъ братомъ, поселитесь въ нашемъ домѣ и

приходите всегда къ намъ обѣдать. Теперь пойдемъ, начнемъ уроки!»

Въ тотъ самый вечеръ дѣвица Мартинецъ представила Гайдена Метастазіо; онъ жилъ однимъ этажемъ выше. Въ одномъ и томъ-же домѣ жили величайшій лирическій поэтъ и величайшій композиторъ своего времени. Одинъ былъ богатъ, знатенъ; дворъ осыпалъ его милостями; а другой по цѣлымъ днямъ не могъ вставать съ постели своей: онъ не имѣлъ дровъ, чтобъ протопить комнаты и не имѣлъ денегъ для куска хлѣба.

Гайденъ перешелъ въ квартиру г–жи Мартинецъ; у него было опять порядочное платье и онъ обѣдалъ каждый день. Никто однако-жъ изъ гостей г–жи Мартинецъ не предполагалъ, что у артиста была только *одна* пара платья и что онъ только *однажды* въ день ѣлъ за обѣдомъ своей покровительницы.

Вдругъ обстоятельства перемѣнились: г—жа Мартинецъ принуждена была оставить Вѣну; Метастазіо уѣхалъ въ Италію, и бѣдный Гайденъ остался опять одинъ въ Австрійской столицѣ.

Хозяинъ дома объявилъ артисту, что квартира отдана другимъ жильцамъ и просилъ его очистить ее. Гайденъ тотчасъ—же связалъ въ узелокъ все платье свое и вышелъ на улицу, не зная, гдѣ приклонить голову.

V.

Съ самаго ранняго утра Гайденъ пошелъ бродить по улицамъ Вѣны; около полудня пришелъ онъ въ предмѣстье Леопольдштатъ: усталость, зной и голодъ совершенно изнурили его. Не зная самъ, что дѣлать, онъ вошелъ въ цирюльню; ему подали стулъ, онъ сѣлъ и не сталъ мѣшать, когда ему подвязали салфетку. Цирюльникъ схватилъ мыльницу, мыло и собрался брить его; но взглянувъ на подбородокъ молодаго человѣка, вскричалъ: «на что вамъ бриться? Вѣдь у васъ нѣтъ бороды.» Гайденъ не отвѣчалъ ни слова, цирюльникъ посмотрѣлъ на него и только тутъ замѣтилъ, что молодой человѣкъ лишился чувствъ.

Бѣдные люди скорѣе богачей понимаютъ страданія ближнихъ и сочувствуютъ имъ. По впалымъ щекамъ и блѣдности молодаго человѣка парикмахеръ догадался, что обморокъ его есть слѣдствіе голода. Вмѣстѣ съ женою и дочерью перенесъ онъ страдальца въ другую комнату; его положили въ постель и всѣми средствами старались возвратить ему жизнь.

Гайденъ нашелъ людей сострадательныхъ и добрыхъ: ему дали квартиру и столъ. Молодой артистъ вскорѣ замѣтилъ, что семейство цирюльника бѣдно; по этому онъ старался всѣми силами сколько нибудь пріобрѣтать, чтобъ не быть въ тягость хозяевамъ. Съ восьми часовъ отправлялся онъ въ монастырь давать уроки; въ десять былъ уже въ домовой церкви графа Гаувица и игралъ на органѣ; съ одиннадцати пѣлъ въ соборѣ во время обѣдни. Такъ проходилъ

каждый день, и бѣдный артистъ все-таки заработывалъ только по пятнадцати копѣекъ въ сутки. Судьба наконецъ сжалилась надъ нимъ. Гайденъ познакомился съ Италіанскимъ композиторомъ Порпора и почерпнулъ много свѣдѣній изъ разговоровъ его. Онъ написалъ въ это время нѣсколько піэсъ: они обратили на него вниманіе князя Антонія Естергази, который не успѣлъ однако-жъ сдѣлать что нибудь для артиста, потому что вскорѣ умеръ. Сынъ его, Николай Естергази, полюбилъ молодаго композитора и предложилъ ему у себя мѣсто капельмейстера. Тогда-то, пользуясь удобствами жизни, Гайденъ обнаружилъ всю силу своего генія. Онъ обыкновенно вставалъ очень рано, одѣвался какъ можно лучше, и садился за работу. Гайденъ былъ необыкновенно скроменъ: въ немъ не замѣчали ни малѣйшей зависти; напротивъ, онъ больше всѣхъ хва-

лилъ и защищалъ современныхъ ему артистовъ. Когда въ первый разъ давали оперу Моцарта «Донъ-Жуанъ», мнѣнія были различны. Приверженцы и почитатели Гайдена хотѣли узнать, что онъ объ ней думаетъ. «Я не въ состояніи судить о Донъ-Жуанѣ,» съ необыкновенною скромностію отвѣчалъ артистъ: «знаю только, что Моцартъ первый и самый геніальный композиторъ въ мірѣ.»

Во время коронаціи Леопольда II-го, въ Прагѣ, давали оперу Моцарта «Титово милосердіе». Стали приглашать и Гайдена; но онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, нѣтъ! Гдѣ Моцартъ, тамъ не мѣсто Гайдену.»

Подъ старость силы Гайдена начали быстро упадать; онъ не сталъ никого принимать: всякому, кто приходилъ къ нему, отдавали карточку, гдѣ артистъ писалъ: «сила моя угасла; — я угасаю.»

Только однажды Гайденъ оставилъ свое уединеніе; друзья и почитатели пригласили его на концертъ: въ огромной залѣ триста музыкантовъ играли его безсмертную ораторію: «Сотвореніе міра.» Старикъ отъ радости чуть не умеръ на мѣстѣ. Черезъ два мѣсяца послѣ этого торжества онъ скончался, семидесяти семи лѣтъ отъ роду, 1809 года, мая 31-го дня.

ВОЛЬФГАНГЪ МОЦАРТЪ.

Рис: на кам: В. Папе. Печ: въ Лит: М. Тюлева.

Они были такъ бѣдны!

АМЕДЕЙ-ВОЛЬФГАНГЪ МОЦАРТЪ.

I.

Въ одно прекрасное апрѣльское утро, 1762 года, двое дѣтей, восьмилѣтняя дѣвочка и шестилѣтній мальчикъ, спускались по отлогости Козогеца, покрытаго виноградниками. У подошвы его шумно катились быстрыя волны Молдавы, терявшейся въ дремучихъ Богемскихъ лѣсахъ.

Въ дѣтяхъ незамѣтно было той безпечности, которая такъ свойственна ихъ возрасту:

8

они шли печально и молчаливо; въ потупленныхъ взорахъ ихъ выражалась задумчивость и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтская прелесть, невинность и простодушіе.

По одеждѣ ихъ можно было судить, что они очень бѣдны: на дѣвочкѣ было цвѣтное платье, совсѣмъ полинявшее; у мальчика на локтяхъ и колѣняхъ пестрѣли разноцвѣтныя заплатки. Между тѣмъ красиво причесанные волосы, руки и лице, отличавшіеся бѣлизною и нѣжностію, все доказывало, что мать заботилась объ нихъ.

Дѣти иногда поглядывали на кусокъ хлѣба, который былъ у нихъ въ рукахъ и до котораго они не дотрогивались.

Когда они сошли къ подошвѣ холма и расположились отдохнуть въ тѣни деревъ, мальчикъ началъ говорить:

«Замѣтила ты, сестрица, съ какимъ печальнымъ видомъ маменька дала намъ сего-

дня завтракъ? Она вздохнула, когда я сказалъ ей : все одинъ хлѣбъ!»

— Какъ не замѣтить , братецъ ! — отвѣчала маленькая дѣвочка: — маменька плакала ; я видѣла ея слезы , она какъ будто хотѣла сказать : кромѣ хлѣба у насъ ничего нѣтъ, будьте довольны и этимъ. Но о чемъ-же ты плачешь, Вольфгангъ?—сказала Фридерика, заливаясь слезами.

«Я плачу , глядя на тебя;» отвѣчалъ ей Вольфгангъ , и горько зарыдалъ..... «Мнѣ грустно думать , что у насъ ничего нѣтъ, кромѣ черстваго хлѣба.»

— Бѣдненькій!—сказала Фридерика, обнявши брата: — дай Богъ , чтобы не знать тебѣ бо̀льшаго горя!.....Что-жъ ты не ѣшь хлѣба?

«У меня прошелъ аппетитъ.»

— Лакомка! если-бъ было что нибудь послаще, ты не заставилъ-бы просить себя.

«Право, сестрица, я не голоденъ.»

Дѣвочка подвинулась къ брату и, расправляя ему длинные локоны, спускавшіеся на глаза, сказала:— дай я поцѣлую тебя и разскажу, о чемъ я думала сегодня утромъ..... Но ты такъ еще малъ, что не можешь подать мнѣ совѣта.

«Такъ малъ! какъ будто ты совсѣмъ большая!» отвѣчалъ Вольфгангъ съ важностію.

— Сознайся, однако-жъ, что я старше тебя.

«Ну да, нѣсколькими мѣсяцами!»

— Нѣсколькими годами, сударь! Но не станемъ спорить, а лучше сочтемъ,—кротко сказала Фридерика: — я родилась 30-го января 1754 года.....

«А я 27 января 1756 года,» прервалъ Вольфгангъ.

— Это составляетъ два года.

«Безъ трехъ дней.»

— Два года безъ трехъ дней, пусть такъ; но поищемъ лучше средства, какъ-бы облегчить судьбу родителей нашихъ.

«О, въ такомъ случаѣ, говори, сестрица: что нужно дѣлать?»

— Объ этомъ-то я и думаю..... Боже мой! Что дѣлать? Что дѣлать?

«Помолимся Богу, сестрица; можетъ быть, онъ поможетъ намъ;» сказалъ Вольфгангъ.

— Да, братецъ, помолимся..... станемъ на колѣни подъ этимъ деревомъ..... сквозь листья видно небо..... быть можетъ, Богъ увидитъ насъ.

«И услышитъ. Маменька говорила мнѣ, что онъ милостивъ къ тѣмъ, которые молятся за родителей.»

— О! въ такомъ случаѣ онъ исполнитъ наше желаніе! — сказала Фридерика, сложивъ крестообразно руки.

Вольфгангъ сталъ на колѣни возлѣ сестры, положилъ хлѣбъ свой на траву и, сложа руки, сказалъ Фридерикѣ:

«Кому-же молиться, сестрица, Лоретской Богородицѣ, или Св. Непомуку?»

— Сперва помолимся Св. Непомуку.

«Такъ начинай ты, сестрица; я буду говорить за тобой.

Дѣвочка стала читать вслухъ молитву, мальчикъ повторялъ слова ея; оба они молились отъ чистаго сердца и такъ внимательно, что не замѣтили подошедшаго къ нимъ пожилаго человѣка благородной и величественной наружности.

II.

«Добрый Святый Іоаннъ Непомукъ, дай мнѣ и Фридерикѣ средство быть полезными нашимъ родителямъ!» такъ сказалъ мальчикъ, когда сестра его, окончивъ молитву, встала съ колѣней.

— Вотъ мы и помолились, братецъ!

«А я, сестрица, нашелъ средство, о которомъ мы просили святаго угодника;» сказалъ Вольфгангъ, поднявшись тоже на ноги.

— Уже!

«Мнѣ пришло оно въ голову, пока ты молилась.»

— Видно Св. Іоаннъ Непомукъ шепнулъ его тебѣ.

«Не знаю, Святый или самъ Богъ; но вотъ это средство: я не дурно играю на фортепіано и, если-бы маменька не приказывала мнѣ быть всегда скромнымъ, я могъ-бы сказать, что даже сочиняю хорошо; ты, Фридерика, хотя играешь и не такъ искусно, какъ я, но, по твоимъ лѣтамъ, порядочно.

— Каковъ братецъ!..... прервала его Фридерика.

«Не мѣшай мнѣ, добрая сестрица; иначе я забуду, о чемъ говорилъ. И такъ..... да я еще не сказалъ, что мы оба хороши собою..... особенно ты, Фридерика..... И такъ, когда нибудь, въ хорошую погоду, мы пустимся съ тобою въ дорогу, держа другъ за руку, какъ теперь. Мы уйдемъ далеко, далеко..... Всякій разъ, какъ встрѣтимъ на дорогѣ замокъ, зайдемъ въ него; ты станешь пѣть; вотъ подходятъ люди..... «Ахъ, какія милыя дѣти!» такъ скажутъ жите-

ли замка. Насъ хорошо примутъ, угостятъ..... а я между тѣмъ подхожу къ фортепіано.....»

— Если только въ замкѣ будетъ фортепіано, — прервала дѣвочка.

«Фортепіано есть вездѣ!..... но ты все меня прерываешь..... я сказалъ, что подхожу къ фортепіано, сажусь на табуретъ, играю, играю..... всѣ мнѣ удивляются! Тутъ насъ обнимаютъ, даютъ намъ конфектъ, игрушекъ..... тебѣ-же дарятъ ожерелье, ленты..... но мы ничего не возмемъ, я скажу: дайте мнѣ денегъ, я отнесу ихъ къ папенькѣ и маменькѣ.....

— Какъ ты уменъ!—сказала Фридерика, обнявъ съ восторгомъ брата.—Дай мнѣ расцѣловать тебя.

«Это еще не все!» сказалъ Вольфгангъ, отвѣчая на ласки сестры. — Дай мнѣ кончитъ. Слухъ объ насъ доходитъ до Короля:

онъ желаетъ насъ видѣть. Мы одѣваемся какъ можно лучше и ѣдемъ во дворецъ. Насъ вводятъ въ залъ, въ которомъ множество прекрасныхъ, разряженныхъ дамъ; мужчины всѣ въ золотѣ, мебель чудесная..... а фортепіано..... какое фортепіано!..... Вмѣсто дерева чистое золото, педали серебряныя, клавиши жемчужныя, вездѣ бриллiанты..... мы играемъ; Дворъ въ восторгѣ..... насъ окружаютъ, ласкаютъ; Король спрашиваетъ у меня, чего я желаю; я ему отвѣчаю: «доволенъ буду всѣмъ, что Его Величеству угодно будетъ пожаловать мнѣ.» Онъ даритъ намъ замокъ, въ которомъ будутъ жить папенька и маменька.....»

Громкій хохотъ прервалъ разсказъ самонадѣяннаго артиста. Испуганный Вольфгангъ взглянулъ сперва на сестру, потомъ, обернувшись, увидѣлъ передъ собою незнакомца, который стоялъ за деревомъ и слы-

шалъ весь разговоръ ихъ. Подойдя къ дѣтямъ, онъ сказалъ имъ:

— Не бойтесь ничего; я хочу сдѣлать вамъ добро; меня посылаетъ Іоаннъ Непомукъ.

При этихъ словахъ братъ и сестра обмѣнялись взглядами и потомъ пристально посмотрѣли на мнимаго посланника Св. Непомука. Видъ его, вѣроятно, внушилъ имъ довѣренность, потому что мальчикъ схватилъ его за руку и съ милымъ простодушіемъ сказалъ:

«Что-жъ?.... тѣмъ лучше; вы вѣрно исполните всѣ наши желанія?»

— Погоди, другъ мой, не сейчасъ; — отвѣчалъ незнакомецъ. Онъ сѣлъ на суковатый пень и, взявъ Вольфганга за руку, между тѣмъ какъ дѣвочка стояла вдали, сказалъ ему: — я исполню всѣ твои желанія, но только отвѣчай откровенно на мои вопросы.....я узнаю, если ты солжешь.

«Я во всю жизнь мою не лгалъ,» отвѣчалъ съ досадою Вольфгангъ.

— Это мы увидимъ сейчасъ..... Какъ зовутъ твоего отца?

«Леопольдъ Моцартъ.»

— Чѣмъ онъ занимается?

«Онъ капельмейстеръ; играетъ на скрипкѣ и на фортепіано, но на скрипкѣ лучше.»

— Жива-ли у тебя мать?

«Жива, сударь.»

— Сколько васъ дѣтей?

Мальчикъ молчалъ; но дѣвочка отвѣчала за него:

«Насъ было семеро; теперь-же осталось только двое, братъ и я.»

— И отецъ вашъ бѣденъ, другъ мой?— спросилъ незнакомецъ дѣвочку.

«О! сударь, очень бѣденъ. Вотъ, извольте видѣть, сказала она, показывая незнакомцу кусокъ хлѣба: «кромѣ этого у насъ

въ домѣ нѣтъ ни крошки. Папенька и маменька ничего не оставили для себя. Давая намъ хлѣбъ, маменька всякой разъ говоритъ: «ступайте въ поле, дѣти!» Это, сударь, потому, что ей самой нечего завтракать, и она не хочетъ, чтобы мы это знали.»

— Бѣдныя дѣти!—сказалъ растроганный незнакомецъ.—Гдѣ живутъ ваши родители?

«Тамъ на холмѣ,» отвѣчалъ Вольфгангъ: «отсюда видна крыша небольшаго нашего домика.»

— Этотъ домъ принадлежалъ прежде Дуссеку?—спросилъ незнакомецъ.

«Да, сударь,» отвѣчала дѣвочка: «Дуссекъ былъ тоже музыкантъ.»

— Бѣдныя дѣти! повторилъ незнакомецъ, отирая слезы, навернувшіяся на глазахъ его.—Скажите мнѣ: когда вы молились Св. Непомуку, о чемъ просили вы его?

«Я, сударь,» сказала дѣвочка: «просила святаго угодника дать мнѣ какое нибудь средство пріобрѣтать деньги для нашихъ родителей, чтобы не однимъ намъ съ братомъ завтракать. Вольфгангъ говоритъ, что онъ нашелъ это средство, но я боюсь.....»

— Если вы въ самомъ дѣлѣ такъ хорошо играете на фортепіано, то я помогу вамъ въ этомъ случаѣ.

«Братъ мой не только можетъ играть съ перваго взгляда всякія ноты; но онъ сочиняетъ самъ очень хорошенькія піэсы, какъ говоритъ папенька.»

— Который годъ твоему брату?

«Шесть лѣтъ, сударь; а мнѣ восемь.»

— И этотъ ребенокъ уже сочиняетъ! — вскричалъ незнакомецъ.

«Что-жъ тутъ удивительнаго?» сказалъ, улыбаясь, Вольфгангъ: пожалуйте къ намъ и вы услышите сами.»

Незнакомецъ посмотрѣлъ на часы, съ минуту подумалъ и потомъ сказалъ дѣтямъ:

— Друзья мои, великій Непомукъ, этотъ святый, уважаемый во всей Богеміи, приказываетъ вамъ воротиться теперь къ родителямъ; будьте дома цѣлый день, а вечеромъ вы обо мнѣ услышите..... теперь ступайте!

Незнакомецъ собрался было идти, но Вольфгангъ схватилъ его за полу.

«Еще одно слово, сударь! Прежде нежели вы возвратитесь на небо, гдѣ, конечно, живете, позвольте.....»

— О чемъ ты хочешь просить, братецъ? — прервала Фридерика, не давая ему договорить.

Мальчикъ сказалъ ей что-то на ухо.

«Нѣтъ, нѣтъ, Вольфгангъ,» вскричала она: «это нескромность, этого я не хочу!»

— Что такое, милая моя? — спросилъ незнакомецъ?

«Она не хочетъ, чтобы я попросилъ Святаго Непомука прислать маменькѣ обѣдъ,» отвѣчалъ Вольфгангъ такъ скоро, что Фридерика не успѣла остановить его..... «Вѣдь онъ можетъ сдѣлать это, не правда-ли?»

— Конечно можетъ, и просьба твоя будетъ исполнена. Чего ты желаешь еще?..... говори смѣло, не бойся.

«Еще платье для папеньки; ему теперь не въ чемъ ходить на уроки.»

— Потомъ?

«Потомъ платье для маменьки.»

— Все-ли?

«Довольно, братецъ!» сказала Фридерика тономъ, въ которомъ выражалось чувство хорошо воспитанной дѣвочки.

— Не мѣшай мнѣ, сестрица, я хочу еще попросить кой-о-чемъ для тебя.

«Мнѣ ничего не нужно; ты и такъ ужъ надоѣлъ своими просьбами.»

— Скромность твоей сестры мнѣ очень нравится; но приказываю тебѣ именемъ Св. Непомука разсказать мнѣ о всѣхъ желаніяхъ твоихъ.

«Я хочу имѣть большой домъ и слугъ, чтобы маменька не занималась сама хозяйствомъ.....но, кажется, ужъ все.»

— Ты ничего не просилъ для себя.

«О! мнѣ ничего не нужно, сударь; если папенька будетъ доволенъ, я счастливъ.»

— Милый и прелестный ребенокъ!..... Прощай..... до свиданія!

Незнакомецъ удалился и такъ скоро скрылся между деревьями, что это удивило дѣтей.

— Что, Вольфгангъ, пришлетъ онъ намъ обѣдъ?—сказала Фридерика, возвращаясь съ братомъ домой.

«Конечно, пришлетъ,» отвѣчалъ Вольфгангъ съ увѣренностію.

— А мнѣ такъ кажется, что господинъ этотъ смѣялся надъ нами.

«Увидимъ;» отвѣчалъ маленькій Моцартъ.

III.

Когда дѣти пришли домой, молодая и опрятно одѣтая женщина сказала имъ:

— Да вы и не дотрогивались до хлѣба!

«Мы не голодны, маменька,» торопливо отвѣчала Фридерика.

— Отъ чего-же у васъ вдругъ пропалъ аппетитъ?

«Вообрази, маменька, мы съ сестрой видѣли друга Св. Непомука, о которомъ папенька часто говоритъ намъ.»

— Разскажи, разскажи, господинъ Вольфгангъ, что такое?—сказалъ, войдя въ комнату, мужчина съ добродушнымъ лицемъ. Дѣти поздоровались съ нимъ, называя его «милымъ папенькою.»

«Представь себѣ, папенька: господинъ величественной наружности, прекрасный, важный...... ну, словомъ, король.....»

— Да почему-же ты думаешь, что это другъ Св. Непомука?—спросилъ капельмейстеръ.

«Онъ самъ сказалъ мнѣ.»

— Чѣмъ-же онъ доказалъ это?

«Чѣмъ доказалъ? А вотъ увидите сами:.... тебѣ, папенька, онъ пришлетъ платье, маменькѣ тоже, кой-что для сестры..... и обѣдъ для всѣхъ насъ.....»

Отецъ невольно засмѣялся при простодушномъ разсказѣ мальчика.

— И ты вѣришь этому, другъ мой?

«Вѣрю, папенька.»

— Мнимый другъ Св. Непомука просто посмѣялся надъ тобою.

«Посмѣялся? Почему-же, папенька?..... О нѣтъ! ты не подумалъ-бы этого, если-

бы видѣлъ его. Лице у него такое доброе! А что ты скажешь, если, вмѣсто этого бѣднаго домишка, у насъ будетъ дворецъ? О! теперь наша темная и скучная комната мнѣ не нравится.....

При этихъ послѣднихъ словахъ маленькій Моцартъ презрительно посмотрѣлъ вокругъ себя; и точно, комната, въ которой находилось это семейство, служила вмѣстѣ и кухней, и столовой, и гостинной; съ одной стороны былъ широкій и высокій каминъ, внутри котораго помѣщались кострюли; съ другой стояло фортепіано; надъ нимъ висѣла скрипка; по срединѣ столъ изъ чернаго дерева; вокругъ нѣсколько соломенныхъ стульевъ.

— Да! и у насъ будетъ замокъ,—сказалъ, разсмѣявшись, отецъ.

«Да, папенька, дворецъ и множество слугъ!..... Что ты тамъ дѣлаешь, маменька?»

сказалъ мальчикъ, обратившись къ г-жѣ Моцартъ.

— Ты видишь: пока явятся слуги, я сама приготовляю обѣдъ.

«Обѣдъ!..... Обѣдъ!..... Вѣдь я говорю, что обѣдъ намъ пришлютъ совсѣмъ готовый, такой обѣдъ.....»

Отецъ и мать готовы были расхохотаться; вдругъ кто-то постучался въ двери.

IV.

Они смотрятъ: передъ домомъ стоитъ крытый фургонъ; подлѣ него поваръ съ мальчикомъ.

«Вотъ это прислалъ вамъ господинъ, котораго Вольфгангъ Моцартъ встрѣтилъ при входѣ въ лѣсъ;» сказалъ поваръ, войдя въ комнату. Онъ сталъ разставлять на столѣ кушанья, которыя мальчикъ его приносилъ одно за другимъ изъ фургона, бутылки съ лучшимъ виномъ и все, что нужно для отличнаго обѣда.

— Не можете-ли вы, любезный, сказать мнѣ, отъ кого все это прислано? — спросилъ г-нъ Моцартъ.

«Не могу отвѣчать на вопросъ вашъ,» сказалъ почтительно поваръ.

Капельмейстеръ сталъ его упрашивать.

«Сынъ вашъ знаетъ, отъ кого все это доставлено.»

«Да,» сказалъ Вольфгангъ: «я знаю и Фридерика тоже знаетъ: это отъ друга Св. Іоанна Непомука.»

— Объясните мнѣ, пожалуйста, эту загадку, — прибавилъ серьёзно г-нъ Моцартъ.

Поваръ отвѣчалъ:

«Я могу только сказать вамъ, сударь, что за обѣдъ заплачено. Вы можете кушать спокойно. Если-же вамъ угодно узнать болѣе, попросите сына вашего импровизировать что нибудь на фортепіано, — незнакомецъ тотчасъ явится..... Вотъ все, что я могу сказать вамъ.»

Разставивъ блюда на столѣ, поваръ и мальчикъ его сѣли въ фургонъ и быстро

удалились. Семейство Моцарта было въ большемъ удивленіи.

Маленькій Вольфгангъ прервалъ молчаніе: «Ну что, не говорилъ я вамъ?.....»

— Я, право, думала, что надъ нами хотѣли посмѣяться, братецъ;—сказала Фридерика:—теперь я вижу, что этотъ господинъ точно другъ Св. Іоанна Непомука.

— Сядемте за столъ, любезныя дѣти, — сказалъ отецъ.—Вѣрьте мнѣ: великодушный человѣкъ, который прислалъ намъ обѣдъ, достоинъ быть другомъ какого-нибудь святаго. Выпьемъ за его здоровье; мы не знаемъ, кто онъ, но воспоминаніе о немъ останется навсегда въ сердцахъ нашихъ.

Давно уже семейство Моцарта не ѣло такъ вкусно; дѣти въ полной мѣрѣ наслаждались. Вдругъ на колокольнѣ сосѣдняго монастыря пробило два часа. Вольфгангъ соскочилъ со стула.

— Куда-же ты? — спросила мать.

«Надобно сыграть сонату; незнакомецъ придетъ сюда;» съ этими словами Вольфгангъ подвинулъ къ фортепіано маленькій табуретъ и вскочилъ на него. «О! я ничего не забываю,» сказалъ ребенокъ, начиная играть.

Сперва онъ пробѣжалъ нѣсколько гаммъ съ ловкостію и точностію, особенно удивительными въ такомъ слабомъ и вѣтреномъ мальчикѣ; одушевляясь постепенно, отъ гаммы онъ перешелъ къ аккордамъ, потомъ началъ импровизировать съ необыкновенною прелестію и гармоніею; капельмейстеръ и жена его безмолвствовали отъ удивленія. Отдавшись на волю своенравной фантазіи своей, Вольфгангъ леталъ пальцами по клавишамъ, едва прикасаясь къ нимъ. Въ нѣкоторыхъ звукахъ была необыкновенная сила; другіе-же, напротивъ, отличались

нѣжностію и выразительностію. Слезы навернулись на глазахъ отца и матери. Растроганные, восторженные выше всякаго выраженія, они забыли объ обѣдѣ и о незнакомцѣ, который долженъ былъ появиться при первыхъ аккордахъ.

— Обними меня, Вольфгангъ!—вскричалъ капельмейстеръ съ энтузіазмомъ отца и артиста;—Богъ дастъ, ты будешь нѣкогда великимъ маэстро, великимъ композиторомъ, великимъ человѣкомъ!.... Но кто откроетъ тебѣ дорогу, бѣдное дитя? Кто выведетъ тебя изъ этого мрака нищеты? Кто будетъ твоимъ покровителемъ?

«Я!» отвѣчалъ кто-то изъ-за двери.

То былъ незнакомецъ. Вольфгангъ, увидя его, подбѣжалъ къ нему и, взявъ за руку, сказалъ:

«Вотъ другъ великаго Св. Іоанна Непомука!»

Капельмейстеръ взглянулъ на вошедшаго господина, всталъ и, съ видомъ глубокаго уваженія, произнесъ:

— Его величество, императоръ австрійскій Францъ I-й!

V.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого происшествія, госпожа Моцартъ, со слезами на глазахъ, собирала въ дорогу мужа и сына.

— Не плачь, жена,—говорилъ капельмейстеръ:—Богъ видимо покровительствуетъ нашему сыну. Мы ѣдемъ ко двору мудрой и прекрасной императрицы Маріи Терезіи, по приглашенію августѣйшаго супруга ея, Франца I-го.

«Шести лѣтъ начинать уже трудиться!» сказала бѣдная мать съ глубокимъ вздохомъ.

«Я стану трудиться для тебя, милая маменька, и буду счастливъ!» отвѣчалъ Вольфгангъ, бросясь къ ней въ объятія.

Черезъ часъ капельмейстеръ съ сыномъ были уже на дорогѣ въ Вѣну. Во время путешествія не случилось съ ними ничего любопытнаго. Когда они пріѣхали въ столицу, имъ дано было знать, чтобы они явились къ Императору на другой день. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было устроить концертъ; придворные кавалеры и дамы приглашены слушать удивительнаго ребенка.

На другой день Моцартъ посѣтилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей; возвратясь домой, онъ увидѣлъ, что сынъ его прыгаетъ по комнатѣ.

«Я помолился,» сказалъ онъ отцу: «поигралъ на фортепіано и теперь отдыхаю.»

— Хорошъ отдыхъ, — отвѣчалъ ему, улыбаясь, отецъ.

«Всякій по-своему отдыхаетъ, папенька.»

Вечеромъ Вольфгангъ съ отцемъ отправились во дворецъ; капельмейстеръ былъ

въ черномъ платьѣ; сына нарядили въ придворный костюмъ: лиловый кафтанчикъ, жилетъ моаре того-же цвѣта, розовые шелковые панталоны, бѣлые чулки и башмаки съ серебряными пряжками. Мальчикъ былъ необыкновенно милъ—настоящій маркизъ въ миніатюрѣ.

Церемоніймейстеръ ввелъ ихъ въ концертный залъ, въ которомъ никого еще не было. Вольфгангъ, увидѣвъ въ комнатѣ превосходное фортепіано, тотчасъ сѣлъ за него. Моцартъ отецъ вышелъ на балконъ полюбоваться превосходнымъ дворцовымъ садомъ.

Маленькій артистъ остался одинъ въ огромномъ залѣ, освѣщенномъ какъ-бы для бала; онъ сидѣлъ за фортепіано; маленькіе пальчики его бѣгали по клавишамъ съ изумительною быстротою; вдругъ онъ услышалъ за собою дѣтскій голосъ.

— О, какъ вы хорошо играете! Вы, вѣрно, тотъ маленькій Моцартъ, о которомъ всѣ говорятъ здѣсь?

Вольфгангъ оборотился: возлѣ него стояла семилѣтняя дѣвочка необыкновенной красоты, богато одѣтая.

«Какъ вы прекрасны!» сказалъ Богемскій мальчикъ.

— О, я слышу это тысячу разъ всякій день, отвѣчала дѣвочка. — Но скажите-же мнѣ, вы-ли Вольфгангъ Моцартъ?

«Я, сударыня.»

— Кто васъ выучилъ такъ хорошо играть на фортепіано?

«Папенька.»

— Какъ скучно учиться! Вы, вѣрно, много трудились прежде, чѣмъ стали такъ хорошо играть, не правда-ли?

«Да; иногда я уставалъ; въ такомъ случаѣ я просилъ великаго Св. Іоанна

Непомука дать мнѣ мужество и охоту къ ученію и все это получалъ отъ него.»

— Кто этотъ великій Іоаннъ Непомукъ?

«Богемскій святый.»

— Почему называютъ его Богемскимъ святымъ?

«Потому, что статуя его поставлена на мосту черезъ Молдаву, въ Прагѣ.»

— Это еще не причина,—сказала нетерпѣливо дѣвочка.

«Я знаю его исторію,» сказалъ Вольфгангъ: «и могу разсказать вамъ ее.»

— Ахъ! разскажите, пожалуйста.

«Слушайте! Много, много лѣтъ тому назадъ жилъ въ Непомукѣ викарій Архіепископа Прагскаго, человѣкъ необыкновенно добрый; все свое имѣніе онъ роздалъ бѣднымъ, а самъ остался ни съ чѣмъ: часто

онъ ложился спать безъ ужина, потому что отдавалъ обѣдъ свой нищимъ. Его звали Іоаннъ Вельфинъ; это былъ истинно святой. Вотъ однаждыАрхіепископъ Прагскій, проѣзжая черезъ Непомукъ, былъ на исповѣди у своего викарія. На другой день король Венцеславъ прислалъ за викаріемъ. Разскажи мнѣ,» спросилъ онъ: «что говорилъ тебѣ на исповѣди Архіепископъ?»—Не могу, государь, отвѣчалъ смиренно викарій: исповѣдь дѣло священное.—«Я этого требую!» закричалъ Король. — Не могу, государь! отвѣчалъ по-прежнему Іоаннъ Вельфинъ.— Король ужасно разгнѣвался и грозилъ викарію позорною смертію, если онъ не исполнитъ приказаніе его. «Ни серебро, ни золото, ни угрозы, ни пытки, ничто не заставитъ меня говорить,» возразилъ викарій: «исповѣдь дѣло священное!» Видя твердость Вельфина, Король приказалъ лишить его жиз-

ни ; и вотъ однажды ночью , когда было очень темно , бѣднаго викарія притащили къ мосту на Молдавѣ и бросили его въ рѣку, которая очень глубока въ этомъ мѣстѣ. Тѣла не нашли , потому что оно не пошло ко дну, а было унесено ангеломъ на небо; на землѣ онъ былъ очень бѣденъ , за то теперь воздается ему должная честь.»

Окончивъ разсказъ , Вольфгангъ услышалъ за собою шорохъ ; онъ оглянулся и съ удивленіемъ увидѣлъ , что залъ , за минуту передъ тѣмъ пустой, наполненъ былъ прекрасными нарядными дамами и кавалерами. Онъ смутился; краска выступила на лицѣ его.

— Узнаешь-ли ты меня?—сказалъ, подходя къ нему, одинъ господинъ.

«Вы — Король !» отвѣчалъ Вольфгангъ.

— А вотъ королева Марія Терезія;—прибавилъ Францъ I-й , подводя Моцарта къ

сорока-пяти-лѣтней, но еще прекрасной дамѣ. Она обласкала мальчика.

Маленькій Моцартъ сѣлъ за фортепіано и, улыбаясь всѣмъ, окружавшимъ его, въ особенности-же прелестной дѣвочкѣ, которая не отходила отъ него ни на шагъ, началъ импровизировать съ такою непринужденностію, что пальчики его, казалось, играли съ клавишами. Отъ темпа живаго, игриваго и труднаго онъ переходилъ къ звукамъ полнымъ, заунывнымъ и мелодическимъ. Знаменитые слушатели не могли скрывать восторга, произведеннаго въ нихъ этимъ рано развившимся талантомъ.

— Вольфгангъ такъ хорошо знаетъ свой инструментъ, что можетъ играть съ завязанными глазами; — замѣтилъ его отецъ.

«Покройте, фортепіано, вы увидите;» сказалъ Вольфгангъ.

И, въ самомъ дѣлѣ, онъ игралъ очень ловко подъ сукномъ. Наконецъ усталый, раскраснѣвшійся отъ жара, мальчикъ пересталъ. Императрица подозвала его къ себѣ.

Вольфгангъ сошелъ со стула; но отъ непривычки-ли ходить по скользкому паркету, или отъ смущенія, онъ оступился и упалъ.

Неизвѣстная дѣвочка вскрикнула и бросилась къ нему.

— Ты ушибся, маленькій другъ мой? — спросила она его съ такою кротостію и участіемъ, что Вольфгангъ, вмѣсто отвѣта, сказалъ ей:

«Вы теперь еще прекраснѣе прежняго! Хотите за меня замужъ?»

Дѣвочка громко захохотала.

— Это не возможно, мой другъ!

«Почему-же? Мы, кажется, однихъ лѣтъ.»

— Да, вѣдь, ты бѣдный артистъ, а.....

«Я сдѣлаюсь великимъ человѣкомъ.»

— А я — Марія Антуанета, эрцъ-герцогиня Австрійская.

«Мнѣ это все равно; я готовъ жениться на тебѣ;» отвѣчалъ Вольфгангъ. Наивность Моцарта показалась очень забавною придворнымъ, непривыкшимъ къ языку простодушія и откровенности.

Увы! Эта дѣвочка, которую дитя Моцартъ такъ простодушно избиралъ себѣ въ подруги жизни, была въ послѣдствіи очень несчастлива. Много лѣтъ спустя, въ тотъ самый день, когда Моцартъ, великій композиторъ, былъ торжественно увѣнчанъ при радостныхъ кликахъ жителей

Вѣнскихъ, въ тотъ самый день разъяренная Парижская чернь ругалась надъ маленькой дѣвочкой, сдѣлавшейся Королевою Французской, супругою Лудовика XVI. Черезъ два года, она погибла на эшафотѣ.

Но возвратимся къ нашему юному герою. Императрица, удивленная раннимъ развитіемъ его таланта, дозволила ему, въ знакъ особенной милости, участвовать въ играхъ эрцъ-герцогины Маріи Антуанеты, которая была годомъ старше его.

Вольфгангу не было еще 8 лѣтъ, когда, въ 1763 году, онъ явился при Версальскомъ Дворѣ; тамъ онъ игралъ на органѣ въ королевской придворной капеллѣ и сравнялся, какъ говорятъ, съ лучшими маэстро. Въ это время онъ сочинилъ двѣ сонаты, изъ которыхъ одна посвящена имъ принцессѣ Викторіи, дочери Короля, а другая графинѣ

Тессе. Въ 1768 году Моцартъ возвратился въ Вѣну и написалъ тамъ оперу буффу: «La Finta semplice»; потомъ, когда ему было четырнадцать лѣтъ, «Митридата», оперу, имѣвшую 20 представленій сряду.

Въ 1776 году Моцартъ еще разъ ѣздилъ въ Парижъ. Въ это время давали «Алцесту», соч. кавалера Глюка. Опера не имѣла успѣха. По окончаніи перваго представленія Глюкъ сидѣлъ въ фойье, окруженный друзьями, огорченными неуспѣхомъ его творенія; вдругъ онъ видитъ молодаго человѣка, который, со слезами на глазахъ, бросается въ его объятія.

«Варвары, желѣзныя сердца!» кричалъ онъ: «да чѣмъ-же, послѣ этого, можно ихъ растрогать?»

— Утѣшься, дружекъ мой, — отвѣчалъ Глюкъ: — черезъ 30 лѣтъ они отдадутъ мнѣ справедливость.

Тотъ, кого Глюкъ назвалъ дружкомъ, былъ Вольфгангъ Моцартъ.

Моцартъ умеръ 35 лѣтъ. Сочиняя, по желанію одного незнакомца, знаменитый свой «Requiem», онъ почувствовалъ приближеніе смерти. «Я пишу для похоронъ своихъ,» говорилъ онъ. Дѣйствительно, энтузіазмъ, съ которымъ онъ работалъ, разстроилъ организмъ его до такой степени, что жена его, по совѣту врачей, отняла у Моцарта всѣ написанныя имъ партиціи. Между тѣмъ здоровье его поправилось. Ему позволили окончить начатое твореніе; но смерть предупредила его. Гимнъ «Agnus Dei» былъ лебединою пѣснію великаго артиста; слушая эту молитву, невольно поражаешься глубокою меланхоліею, которою она проникнута. За нѣсколько часовъ до кончины Моцартъ приказалъ принести себѣ знаменитый свой «Requiem». «Не правда-ли,»

сказалъ онъ: «эту панихиду я написалъ для самаго себя?» — Моцартъ скончался 7-го декабря 1791 года.

АЛОИЗІЙ ПАЛЕСТРИНА.

I.

1529 года, 20-го августа, въ вечеру, Палестринскій священникъ, возвращаясь домой, шелъ по лѣвому берегу Тибра; вдругъ онъ видитъ, по срединѣ дороги, на камнѣ, сидитъ женщина въ глубокомъ отчаяніи. Она была очень молода; слезы катились ручьями по щекамъ ея; но это не затмѣвало ея красоты. Бархатное платье ея было покрыто пылью; атласные башма-

ки и шелковые чулки всѣ изорваны. Священникъ подошелъ къ ней. Услышавъ шумъ шаговъ его, она вдругъ вскочила, какъ испуганная серна; но, окинувъ его взглядомъ, ободрилась и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, сказала тихимъ и пріятнымъ голосомъ: «Падре, я очень устала!»

— Возмитесь за мою руку, дочь моя, и пойдемте. Я буду помогать вамъ. — Незнакомка исполнила приказаніе священника; онъ послѣ минутнаго молчанія продолжалъ:

— Куда-жъ намъ идти теперь?

Молодая женщина горько зарыдала. Священникъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на нее, и они тихо пошли по дорогѣ. Неровные шаги незнакомки показывали ея изнеможеніе. Священникъ молчалъ; путница тоже. «Скажите мнѣ,» наконецъ спросила она: «нельзя-ли здѣсь купить какой нибудь хижины?»

— Посмотрите направо, — отвѣчалъ священникъ:—видите-ли тамъ маленькій, бѣлый домикъ, окруженный акаціями и боярышникомъ? На прошлой недѣлѣ здѣсь умеръ рыбакъ Піетрино, и женѣ его хочется продать домъ свой, чтобъ переѣхать въ Римъ, гдѣ живутъ всѣ ея родные.

«Не продастъ-ли она его сейчасъ?» спросила женщина.

— Я думаю.

«Падре, прошу васъ, проводите меня туда.»

Они тотчасъ пошли къ бѣлому домику; священникъ объяснилъ вдовѣ, зачѣмъ онъ привелъ къ ней незнакомку.

— Самъ Богъ посылаетъ васъ! — вскричала вдова, усаживая на стулъ молодую женщину, усталость которой дошла до высочайшей степени. — Сегодня утромъ пріѣхала за мною мать моя, и мнѣ хотѣлось-бы завтра-же уѣхать.

Тотчасъ согласились въ цѣнѣ; священникъ написалъ купчую и тутъ-же отдалъ ее незнакомкѣ. Она вынула кошелекъ съ золотомъ и расплатилась со вдовою. «Позвольте мнѣ остаться у васъ на ночь,» сказала она.

— Домъ принадлежитъ теперь вамъ;—отвѣчала вдова Піетрино:—мнѣ и матери моей слѣдуетъ просить у васъ позволенія остаться здѣсь до завтра.

Священникъ ушелъ и женщины остались однѣ. Въ ту-же самую ночь у незнакомки родился сынъ. Его на другой день окрестили и назвали, по желанію матери, Іоанномъ Петромъ Алоизіемъ. У несчастной женщины сдѣлалась горячка и она цѣлые три мѣсяца находилась на краю могилы. Только по временамъ приходила она въ себя; тогда приносили ей сына, и она осыпала его ласками.

Однажды, утромъ, молодая незнакомка подозвала къ своей постелѣ вдову Піетрино, которая въ продолженіе всей болѣзни не покидала ея.

«Сходите за священникомъ, позовите его ко мнѣ,» сказала больная. Но добрый священникъ былъ при смерти и вскорѣ умеръ. Черезъ нѣсколько времени незнакомка выздоровѣла. Вдова Піетрино уѣхала въ Римъ. Бѣлый домикъ совсѣмъ почти опустѣлъ; незнакомка показывалась очень рѣдко; она ходила иногда на рынокъ въ платьѣ простой крестьянки и закупала тамъ хлѣбъ и овощи. Мальчикъ раздѣлялъ уединеніе своей матери: никогда не говорилъ онъ съ другими дѣтьми, никогда не вмѣшивался въ ихъ веселыя игры; все было тихо въ маленькомъ домикѣ; только каждый вечеръ два чистые, нѣжные, гибкіе голоса пѣли гимнъ Пресвятой Дѣвѣ, и часто путеше-

ствeнникъ, проходя мимо, останавливался, съ умиленіемъ слушалъ святые звуки и пламенно молился.....

II.

Такимъ образомъ прошло восемь лѣтъ; жители Палестрины привыкли къ таинственнымъ жителямъ бѣлаго домика и перестали заниматься ими. Однажды утромъ какой-то иностранецъ проходилъ мимо домика, окруженнаго боярышникомъ и акаціями; его поразилъ дѣтскій голосъ, необыкновенно нѣжный и чистый; онъ, какъ ѳиміамъ, поднимался къ Небу. Совершенная тишина и уединеніе придавали пѣнію что-то меланхолическое; душа путешественника растрогалась; онъ искалъ глазами, кто такъ уныло поетъ. Наконецъ онъ замѣтилъ ребенка лѣтъ восьми, тоненькаго, слабенькаго. Мальчикъ стоялъ, прислонясь спиною къ дереву; глаза

его были устремлены на небо; сложенныя руки опущены, какъ-бы въ сильномъ горѣ. Слезы текли по его бѣлому личику; свѣтлые локоны разсыпались по плечамъ и щекамъ его.

Въ положеніи и въ трепетномъ, рыдающемъ голосѣ мальчика было столько горя, что незнакомецъ невольно подошелъ къ загородкѣ и позвалъ его.

Пѣвецъ оборотился къ путешественнику. «Какъ тебя зовутъ, дружекъ?» спросилъ чужеземецъ по-Италіански, съ Фламандскимъ акцентомъ.

«Алоизіемъ,» отвѣчалъ мальчикъ.

— А, отца твоего?

«Онъ умеръ.»

— А гдѣ мать твоя?

«Она тамъ..... въ домѣ..... Вамъ угодно видѣть ее?»

— Нѣтъ, другъ мой; мнѣ бы хотѣлось знать ея имя.

«Синьора Іоанна-Батиста.»

— Чѣмъ она занимается?

«Она все прядетъ нитки и никуда не ходитъ.

— Чѣмъ-же живете вы?

«Когда маменька напрядетъ много нитокъ, я отношу ихъ за Палестрину, къ ткачу, Синьору Гольдони. Онъ беретъ нитки, даетъ мнѣ денегъ и я приношу ихъ маменькѣ; маменька отдаетъ деньги нашей сосѣдкѣ, которая каждый день приноситъ намъ обѣдъ.»

— Что-же ты дѣлаешь?..... Не сердись на меня, другъ мой, что я обо всемъ распрашиваю тебя.

«Ахъ, Боже мой! какъ можно сердиться? Вы-же не первый распрашиваете меня, и я всѣмъ отвѣчаю одно и то-же. Маменька учитъ меня читать, писать и, когда я бываю очень прилеженъ, то мы по вечерамъ, при

свѣтѣ мѣсяца, или даже въ темнотѣ, поемъ гимнъ Богородицѣ.»

— Что такое пѣлъ ты сейчасъ?

«Пѣсню завтрака.»

— Какую пѣсню называешь ты такъ?

Мальчикъ съ безпокойствомъ взглянулъ на опущенныя шторы оконъ и отвѣчалъ шепотомъ: «ту, которую я всегда пою, когда у маменьки нѣтъ ничего дать мнѣ позавтракать.»

Душа путешественника сжалась при этомъ простомъ и благородномъ отвѣтѣ.

— И ты еще ничего не ѣлъ сегодня?— спросилъ путешественникъ, разсматривая съ удивленіемъ ребенка, который пѣніемъ старался заглушить голодъ свой.

«Тише!..... неравно маменька узнаетъ, что мнѣ ѣсть хочется!»

У незнакомца навернулись слезы; онъ сложилъ руки и сказалъ: — Боже! Благодарю Тебя, что Ты привелъ меня сюда!

Милое дитя мое! — прибавилъ онъ, уходя: — подожди меня здѣсь; любовью матери твоей заклинаю тебя, не уходи!

Путешественникъ побѣжалъ, что есть мочи; мальчикъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и подумалъ: чего-жъ онъ отъ меня хочетъ? Но, помня приказаніе, онъ не трогался съ мѣста. Вскорѣ чужестранецъ возвратился съ закрытою корзиною.

— На, отнеси это своей маменькѣ! Ужъ когда ты не завтракалъ, она, вѣрно, не ужинала.....

Алоизій взялъ корзину и пристально смотрѣлъ на путешественника: онъ не понималъ его. Наконецъ иностранецъ спросилъ его:

— Чего-жъ ты нейдешь?

«Мнѣ надо узнать имя ваше, чтобъ сказать маменькѣ, кто ей посылаетъ корзинку.»

— На что тебѣ имя мое? Я путешественникъ, чужеземецъ; пріѣхалъ за дѣломъ въ

Палестрину и черезъ нѣсколько часовъ ужъ буду далеко отсюда.

«Нѣтъ, прошу васъ, сударь, скажите мнѣ имя ваше,» произнесъ Алоизій умоляющимъ голосомъ. «Я каждый день стану за васъ молить Бога. Вы такъ добры, такъ добры, что я, право, не знаю, какъ благодарить васъ.»

— Спой гимнъ Богородицѣ и я буду совершенно вознагражденъ за все.

«Извольте!» сказалъ Алоизій. Онъ тотчасъ-же запѣлъ гимнъ; въ голосѣ мальчика звучало столько чувства, столько благоговѣнія. Путешественникъ былъ внѣ себя отъ восторга; наконецъ онъ вскричалъ: — Какой голосъ! Это истинное сокровище! О, если-бъ мой сынъ такъ пѣлъ!

«Что-жъ бы вы стали тогда дѣлать?» сказалъ Алоизій, невольно засмѣявшись.

— Бѣдное дитя! Ты не знаешь цѣны своему голосу.

«Но, вѣдь, его нельзя продавать, какъ маменька продаетъ нитки!» сказалъ Алоизій.

— Стоитъ только пѣть..... пѣть..... и деньги посыпятся сами собою! — вскричалъ незнакомецъ. Но ужъ солнце высоко; мнѣ пора идти. Прощай, другъ мой, — продолжалъ онъ, протягивая руку сквозь вѣтви акацій; мальчикъ съ жаромъ схватилъ ее. —Если тебѣ когда нибудь случится быть въ Антверпенѣ, во Фландріи, отыщи непремѣнно домъ Андрея Валкенера и скажи первому, кто тебѣ на глаза попадется: «Подите, скажите, что маленькій артистъ изъ Палестрины пришелъ..... и тогда..... тогда..... Прощай!..... До свиданія!

Андрей Валкенеръ пожалъ ребенку руку и, уходя, еще разъ повторилъ: — прощай!..... До свиданія!.....

III.

Въ слѣдующее воскресенье, немного раньше вечеренъ, маленькій Алоизій печально возвращался домой по дорогѣ изъ Палестрины. Прежде, бывало, онъ не шелъ, а бѣжалъ, исполнивъ порученіе матери; а теперь глаза его были потуплены; во всѣхъ движеніяхъ замѣтна была какая-то боязнь. Онъ остановился на минуту возлѣ калитки своего сада, медленно отворилъ ее и на цыпочкахъ вошелъ въ домикъ.

Домикъ все еще называли бѣлымъ; но какъ онъ измѣнился въ продолженіе восьми лѣтъ! Стѣны его почернѣли, крыша во многихъ мѣстахъ провалилась и не защищала ни отъ зноя, ни отъ дождя. Въ немъ

было двѣ комнаты; Алоизій вошелъ въ первую: она была прежде кухнею, но холодный очагъ и отсутствіе всякой кухонной посуды показывали, что здѣсь никогда не готовили кушанья. Мальчикъ тихо подкрался къ отворенной двери другой комнаты, переступилъ черезъ порогъ и прижался къ стѣнѣ; съ тоскою, удерживая дыханіе, смотрѣлъ онъ на женщину, которая сидѣла къ нему спиною и не замѣчала его.

Въ чертахъ лица молодой женщины еще замѣтна была красота Римлянки; но бѣдность и горе положили на немъ глубокіе слѣды свои. Неподвижно сидѣла она передъ прялкою; слезы текли по щекамъ ея; по временамъ взглядывала она съ отчаяніемъ то на неоконченную работу свою, то на прекрасную природу и безоблачное, смѣющееся небо Италіи. Съ трудомъ пе-

реводила она дыханіе; блѣдныя губы ея дрожали: несчастная не могла даже молиться.

— Сынъ мой! Бѣдное дитя мое!—произнесла она со стономъ.

«Я здѣсь, маменька!» отвѣчалъ Алоизій, думая, что мать зоветъ его.

— Ты былъ тутъ?—спросила удивленная мать: «что-жъ ты дѣлалъ?»

«Я ждалъ, маменька.»

— Чего ждалъ ты?

«Что-бъ ты меня замѣтила.»

— Поди, поцѣлуй меня!—сказала мать, протягивая руки. Алоизій бросился къ ней на шею, и слезы несчастной покатились по лицу его. Мальчикъ отшатнулся и, принимая на себя сердитый видъ, сказалъ:

«Опять!..... Ты опять плачешь!..... Ну хорошо-ли это?..... Я, право, осержусь..... Ты не умна, маменька, совсѣмъ не умна!»

— Бѣдненькій! — отвѣчала мать, стараясь улыбнуться сквозь слезы: — скажи мнѣ: исполнилъ-ли ты мое порученіе?

«Споемъ лучше, маменька, пѣсню ужина,» отвѣчалъ Алоизій.

— Значитъ, ты вернулся безъ успѣха?— Алоизій молчалъ. Мать его продолжала: —Скажи мнѣ все; не жалѣй меня! Богъ посылаетъ намъ испытаніе! Онъ не оставитъ насъ! Онъ создалъ тебя такимъ прекраснымъ, такимъ добрымъ..... Онъ не дастъ намъ погибнуть!..... Говори все, сынъ мой!

«О! мнѣ не долго разсказывать: ткачъ не даетъ денегъ за неоконченную работу; булочникъ не далъ хлѣба въ долгъ..... Видишь, маменька, приходится пѣть пѣсню ужина.»

— Боже мой!—вскричала съ отчаяньемъ мать.

«Ну вотъ, добрый Андрей Валкенеръ утверждалъ, будто мой голосъ чего-нибудь да стоитъ...... Я сейчасъ охотно-бы отдалъ его за маленькій кусочекъ хлѣба для тебя, маменька.»

— Боже мой! — повторила несчастная, ломая руки.

«Маменька, милая маменька, не отчаявайся!» сказалъ Алоизій, схвативъ обоими ручками руку матери. «Ужъ я больше не маленькій: я умѣю читать, писать, считать; скажи мнѣ, отъ чего у насъ нѣтъ ни родныхъ, ни друзей?»

— Дитя мое! У несчастныхъ не бываетъ ни родныхъ, ни друзей!

«Ты хочешь сказать, маменька, что несчастные не пріобрѣтаютъ друзей,» сказалъ Алоизій, и на дѣтскомъ личикѣ его выразилась задумчивость. «О, я это давно знаю.... Но не въ томъ дѣло, маменька: старухи

въ Палестринѣ мнѣ разсказали о твоемъ первомъ появленіи здѣсь. Скажи мнѣ: что было съ тобою прежде и откуда пришла ты, милая маменька? Я буду очень внимательно слушать: это замѣнитъ пѣсню ужина.»

Молодая женщина глубоко вздохнула, посадила сына къ себѣ на колѣни и сказала:
— Ну, слушай-же!

IV.

— Повѣсть моя проста и печальна. Двухъ лѣтъ лишилась я отца; мать моя умерла, когда мнѣ минуло восемь. Меня привезли въ Римъ, въ домъ моего дяди, продавца шелковыхъ матерій..... Пятнадцати лѣтъ я вышла за мужъ за своего двоюроднаго брата; это былъ отецъ твой..... Дяденька и тетенька передали намъ свою торговлю, а сами поселились въ виллѣ близъ Пестума, гдѣ вскорѣ и умерли отъ лихорадки. Мужъ мой ничего не смыслилъ въ торговлѣ; его окружили негодяи, которые обманывали его на каждомъ шагу. Черезъ три года, однажды домъ нашъ наполнился заимодавцами; они требовали отъ насъ денегъ!..... Я убѣжала въ самую даль-

нюю комнату дома; вскорѣ мужъ мой пришелъ туда; онъ былъ блѣденъ, но совершенно спокоенъ..... Онъ подалъ мнѣ кошелекъ, полный золота, и сказалъ: «бѣги, милая Стерина; живи для нашего младенца! Бѣги скорѣе, черезъ садъ, въ Палестрину! Вотъ тебѣ на дорогу деньги; смотри-же: иди въ Палестрину и жди меня тамъ..... Слышишь-ли? Жди меня тамъ!» Я колебалась; отецъ твой обратился ко мнѣ съ видомъ сердитымъ и сказалъ мнѣ въ первый разъ повелительнымъ голосомъ: «дѣлай, что тебѣ приказываютъ; бѣги!» Я повиновалась..... Я вышла изъ дома, не переодѣваясь: мы собирались въ гости и отъ того я была въ бархатномъ платьѣ, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ..... Я пошла по дорогѣ въ Палестрину: у меня не было ни одной опредѣленной мысли; мнѣ только хотѣлось поскорѣе дойти до мѣста. Такимъ образомъ

шла я два дня и двѣ ночи, отдыхала только на камняхъ при большой дорогѣ и ѣла плоды, которые покупала у встрѣчавшихся со мною крестьянъ. Наконецъ я пришла..... Добрый священникъ довелъ меня до этого домика; я купила его. Здѣсь родился ты, милый сынъ мой.

«Что-же сталось съ отцемъ моимъ?» спросилъ Алоизій.

— Черезъ часъ послѣ моего побѣга,—сказала, рыдая, несчастная мать:—его посадили въ тюрьму..... Вотъ ужъ два года, какъ онъ тамъ умеръ, и теперь ты одинъ остался у меня на свѣтѣ!

«Я одинъ!» сказалъ Алоизій съ глубокимъ чувствомъ. «Я одинъ остался у тебя!» повторилъ мальчикъ, вставая. «Ну, такъ я долженъ заботиться о тебѣ!» — И онъ быстро пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Куда-же ты идешь? — кричала ему вслѣдъ мать его. Въ эту минуту начали благовѣстить къ вечернѣ. Алоизій указалъ рукою въ ту сторону, откуда неслись звуки колокола и отвѣчалъ:

«Я иду туда..... молиться!»

V.

На дорогѣ Алоизій встрѣтилъ мальчика съ нянькою. «Миша, не хочешь-ли ты съѣсть второй пирожокъ свой?» говорила нянька.

«Нѣтъ, мнѣ не хочется ѣсть!»

При этихъ словахъ Алоизій, котораго голодъ мучилъ еще съ утра, быстро обернулся, взглянулъ на сытаго мальчика и невольно вскричалъ:

— Не хочетъ ѣсть! Какъ онъ счастливъ!

«Вотъ смѣшно! Большое счастье!» отвѣчалъ мальчикъ на слова Алоизія. «Развѣ ты голоденъ?»

— Я всегда голоденъ! — со вздохомъ отвѣчалъ бѣдный сынъ Стерины.

«Хочешь, я дамъ тебѣ пирожокъ свой?» спросилъ Миша.

— А что-жъ вы сами будете кушать, когда проголодаетесь?—прервала его нянька.—Къ тому-же, такихъ дорогихъ пирожковъ не отдаютъ нищимъ.....

«Нищимъ!» повторилъ съ негодованіемъ Алоизій. «Развѣ я просилъ милостыни? Развѣ я просилъ вашихъ пирожковъ?»

— Однако-жъ ты сказалъ, что всегда голоденъ; — сердито возразила нянька.

«Что-жъ тутъ дурнаго, если-бъ онъ даже и попросилъ у меня пирожка?» сказалъ Миша. «Вѣдь я-же выпросилъ его у моего братца.»

— Вы? Это другое дѣло!..... сказала старуха, уводя мальчика.

Алоизій не трогался съ мѣста; его поразилъ упрекъ няньки. «О, бѣдная маменька!» сказалъ онъ, заливаясь слезами: «какъ-бы

подкрѣпилъ тебя этотъ пирожокъ!» Черезъ нѣсколько минутъ прибавилъ онъ: «Какъ мнѣ воротиться домой съ пустыми руками? Просить милостыни!..... Протягивать руку!..... Нѣтъ, нѣтъ!..... Впрочемъ, попробую; вѣдь это для маменьки!»

Окончивъ слова эти, Алоизій посмотрѣлъ во всѣ стороны; мимо него проходили двое мужчинъ: они о чемъ-то говорили, медленно, съ разстановкою; на лицахъ ихъ выражалась забота. Мальчикъ довольно смѣло подошелъ къ нимъ, протянулъ руку, но не могъ произнести ни слова; онъ только пристально и безмолвно смотрѣлъ на нихъ. Прохожіе не обратили на него никакого вниманія.

«Мужчины не подаютъ милостыни;» сказалъ про себя Алоизій, желая ободриться: «женщины другое дѣло..... онѣ сострадательны!»

Въ эту самую минуту проходила старуха; маленькій нищій опять протянулъ руку: женщина быстро обернулась къ нему и сердито спросила: «Чего тебѣ надо?» Не отвѣчая ни слова, бѣдный Алоизій потупилъ глаза и опустилъ руку..... Старуха поспѣшно ушла.

«Если-бъ она была молода, я былъ-бы смѣлѣе!» опять сказалъ про себя мальчикъ....

Двѣ молодыя дѣвушки весело шли по дорогѣ; маленькій нищій не посмѣлъ подойти къ нимъ: онъ тихо пошелъ за ними въ церковь, говоря: «надо прежде помолиться Богу: онъ дастъ мнѣ мужество просить милостыни!»

VI.

Былъ какой-то праздникъ; Алоизій съ трудомъ пробрался между народомъ въ придѣлъ Божіей Матери; тамъ почти никого не было. Бѣдный ребенокъ бросился на колѣни передъ изображеніемъ Пресвятой Дѣвы съ вѣчнымъ младенцемъ на рукахъ.

«О! добрая, святая Дѣва!» сказалъ Алоизій, складывая руки свои: «Ты страдала вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, Іисусомъ Христомъ, когда Его распяли на крестѣ за грѣхи наши! Дай мнѣ силы просить милостыни для матери! Дай мнѣ средство добывать хлѣбъ, который у многихъ валяется!..... Посмотри, какъ я страдаю!..... Взгляни на терзанія матери моей: они еще

ужаснѣе!..... Добрая, святая Дѣва, умилосердись надъ нами!.....»

Несчастный ребенокъ вскорѣ забылъ, гдѣ онъ, и не замѣчалъ толпы, его окружавшей; лихорадочная дрожь пробѣгала по его членамъ. Онъ запѣлъ гимнъ Богородицѣ съ энтузіазмомъ отчаянія; между народомъ промчался говоръ: но Алоизій не замѣчалъ этого. Слушатели мало-по-малу стали умолкать, участіе зажглось въ сердцахъ ихъ. Дѣтскій голосъ по временамъ звучалъ свѣтлымъ ангельскимъ чувствомъ; иногда въ немъ слышался вопль горькаго несчастія, иногда мольба, иногда печальная покорность судьбѣ. Мужчины и женщины стѣснились около пѣвца и боялись переводить дыханіе, чтобъ не проронить ни одного звука гармоніи..... Священникъ всходилъ на каѳедру, когда раздались первые звуки меланхолическаго пѣнія; онъ

остановился и сталъ слушать; вдругъ голосъ умолкъ: мальчикъ опомнился.

Священникъ протѣснился сквозь толпу и подошелъ къ Алоизію, который все еще былъ на колѣняхъ: совершенное изнеможеніе не позволяло ему подняться; шапка его лежала возлѣ него на полу. Священникъ бросилъ въ нее серебряную монету и сказалъ окружающимъ: «Братья, дайте и вы ему что нибудь.»

Примѣръ подѣйствовалъ: деньги посыпались со всѣхъ сторонъ и въ одну минуту шапка мальчика наполнилась.

«Довольно! Довольно!.....» повторялъ Алоизій со слезами. «Благодарю, благодарю васъ за мать мою!»

Онъ обѣими руками поднялъ шапку и пошелъ изъ церкви: на самомъ порогѣ кто-то остановилъ его. Онъ обернулся и увидѣлъ мальчика съ пирожкомъ: «У меня

АЛОИЗІЙ ПАЛЕСТРИНА.

Рис: на кам: В. Папе. Печ: въ Лит: М. Тюлева.

Довольно! Довольно!.... Благодарю, благодарю васъ!....

нѣтъ денегъ; на, возьми это!» сказалъ онъ ласково Алоизію. «Не правда-ли, ты голоденъ?» прибавилъ онъ.

Алоизій забылъ слабость свою, забылъ голодъ и побѣжалъ по дорогѣ къ бѣлому домику, восклицая:

«О, маменька! маменька! Тебѣ будетъ ужинъ!.....» Опрометью бросился мальчикъ къ матери и засталъ ее въ томъ-же положеніи, въ какомъ оставилъ. Онъ высыпалъ ей на колѣни деньги и сказалъ: «на, возьми, маменька; путешественникъ правъ: стоитъ только запѣть, и деньги придутъ сами собою.»

Алоизій подробно все разсказалъ матери; потомъ прибавилъ:

«Не знаю, какъ мнѣ вздумалось запѣть! Видно это была воля Божія!»

VII.

Послѣ этого, только въ самой крайней нуждѣ, когда неоткуда было достать куска хлѣба, Алоизій опятъ рѣшался пѣть передъ образомъ Мадонны, послѣ вечеренъ; каждый разъ народъ сбѣгался слушать его и шапка его наполнялась деньгами. Вскорѣ разнесся слухъ объ удивительномъ пѣвцѣ; отвсюду стекались въ церковь Св. Павла, всякій хотѣлъ насладиться необыкновеннымъ пѣніемъ..... Черезъ годъ Фламандскій артистъ, Андрей Валкенеръ, воротился въ Палестрину; ему разсказали о голосѣ Алоизія; онъ вспомнилъ бѣлый домикъ и маленькаго пѣвца.

— Ужъ, вѣрно, вашъ маленькій артистъ не такъ хорошо поетъ, какъ одно дитя,

которое живетъ въ окрестностяхъ Палестрины; — сказалъ Андрей Валкенеръ.

«Да и онъ родомъ изъ Палестрины;» отвѣчали ему.

— Ну, такъ, вѣрно, это одинъ и тотъже; двухъ такихъ голосовъ не можетъ быть въ цѣломъ мірѣ.

Въ тотъ-же вечеръ Алоизій пѣлъ въ церкви Св. Павла; Андрей Валкенеръ былъ тамъ, узналъ его и предложилъ ему учиться музыкѣ. Алоизій принялъ предложеніе и съ жаромъ принялся за ученіе, дѣлалъ изумительные успѣхи, началъ сочинять самъ, а вскорѣ пріобрѣлъ большую извѣстность и жилъ счастливо съ своею матерью.

Въ 1571 году его сдѣлали капельмейстеромъ въ церкви Св. Петра въ Римѣ; онъ написалъ тогда множество превосходныхъ сочиненій. 1594 года, февраля 2-го дня, умеръ онъ шестидесяти пяти лѣтъ отъ роду.

Во время похоронъ его исполнили музыку, имъ только-что сочиненную передъ смертью. Папа, желая почтить артиста, велѣлъ похоронить его въ храмѣ Св. Петра, у подножія алтаря Св. Симеона.

Въ сочиненіяхъ Палестрины выразилась чистая, благородная душа его; еще до сихъ поръ во всей Италіи поются его гимны.

МИХАИЛЪ ЛАМБЕРТЪ.

I.

Наканунѣ Вербнаго воскресенья, пожилая, хорошо одѣтая женщина вошла въ лавку къ торговкѣ, извѣстной въ околодкѣ подъ именемъ *тетушки Ламбертъ*. «Здравствуйте, милая хозяюшка,» сказала посѣтительница: «я пришла напомнить вамъ, что завтра у насъ большой праздникъ; пришлите, пожалуйста, Мишу вашего въ церковь пораньше, а не то онъ опоздаетъ, какъ и въ прошлое воскресенье.

«Очень хорошо, сударыня,» отвѣчала торговка, молодая, дородная женщина: «а я, изволите видѣть, занимаюсь все хозяйствомъ. Здоровъ-ли батюшка?»

— Не совсѣмъ, тетушка Ламбертъ: опухоль на щекѣ не проходитъ; братъ мой очень добръ, не жалѣетъ себя, когда надобно помочь ближнему: прошлую ночь было такъ сыро, а онъ ходилъ къ бѣдняжкѣ Жерве.....вы знаете его..... каретникъ, что живетъ на краю города.

«Да благословитъ Богъ добраго нашего священника!» сказала съ чувствомъ госпожа Ламбертъ.

— Благодарю за желаніе! Ну, каково идутъ ваши дѣла?

«Плохо, сударыня, очень плохо! Тяжело на свѣтѣ бѣдной вдовѣ..... При покойномъ мужѣ все шло хорошо..... покупателей у насъ было много, а теперь Гранжалъ отбила всѣхъ.»

— Правду сказать, тетушка Ламбертъ, нитки-то у нея лучше, чѣмъ у васъ. Да что толковать о торговлѣ? Поговоримте-ка о вашемъ Мишѣ..... Ахъ, какъ онъ хорошо поетъ на клиросѣ!..... Какой у него ангельскій голосъ, тетушка Ламбертъ! Я думаю, всякая молитва, пропѣтая имъ, доходитъ до престола Всевышняго.

«Повѣрите-ли, г-жа Маріанна, когда Миша поетъ, я забываю всякое горе, всякую нужду: я въ восторгѣ, какъ будто въ раю..... Да гдѣ онъ?.....»

Торговка кликнула нѣсколько разъ сына. Маленькій десятилѣтній мальчикъ, проходившій въ это время по улицѣ, подошелъ къ окну и сказалъ г-жѣ Ламбертъ:

«Кричите, хоть до завтра, тетушка Ламбертъ, а Миша васъ не услышитъ.»

— А ты знаешь, Петруша, гдѣ онъ? — спросила г-жа Маріанна.

«Знаю, сударыня,» отвѣчалъ мальчикъ, почтительно поклонившись сестрѣ приходскаго священника.»

— Гдѣ? Что дѣлаетъ? — спросила торговка.

«Онъ пошелъ въ Парижъ. Если-бы вы видѣли, какъ онъ спѣшитъ туда!—отвѣчалъ мальчикъ.

— Въ Парижъ! — повторила испуганная мать: — въ Парижъ! О! пойду сама за нимъ; а ты, Петруша, останься пока здѣсь.

«Пожалуй, тетушка Ламбертъ.» Съ этими словами мальчикъ вошелъ въ лавку.

Только что вдова Ламбертъ вышла на улицу, на встрѣчу ей попался приходскій священникъ: возлѣ него маленькій бѣглецъ. Бѣдная мать успокоилась.

— Вашъ братецъ, сударыня, — сказала она сестрѣ священника.

«Да съ нимъ и Миша,» отвѣчала г–жа Маріанна.

II.

«Вотъ сынъ вашъ, тетушка Ламбертъ,» сказалъ священникъ, входя въ комнату.

— Гдѣ ты былъ, шалунъ? — спросила торговка; между тѣмъ она подала священнику стулъ и просила его садиться.

«Я отправился было въ Парижъ,» отвѣчалъ со вздохомъ мальчикъ.

— Насилу могъ поймать шалуна, — сказалъ священникъ. — Вы присматривайте за нимъ, тетушка Ламбертъ, чтобъ онъ не бѣгалъ по большимъ дорогамъ; а ты, Миша, приди завтра въ церковь пораньше.

«О! это невозможно, батюшка,» отвѣчалъ смѣло мальчикъ.

— Невозможно! — повторили въ одинъ голосъ священникъ, сестра его и вдова Ламбертъ.

«Да, невозможно!»

— Каковы дѣти! — сказала торговка: —когда шалунъ былъ малюткой и никто не заставлялъ его пѣть, онъ не сходилъ бывало съ клироса, какъ будто прикованный..... Вотъ, однажды, во время службы, раздался дѣтскій голосъ, чистый, пріятный, вѣрный..... Вы помните, батюшка, какъ всѣ удивились? Всякой спрашивалъ: «кто это поетъ?»—Сынъ тетушки Ламбертъ, маленькій Миша!..... Съ тѣхъ поръ онъ вѣчно на клиросѣ..... а теперь, прошу покорно! ни съ того, ни съ сего не хочетъ пѣть, да еще едва было не ушелъ.....Пойду въ Парижъ!.... Скажи-ка намъ: зачѣмъ ты идешь туда?

«Мнѣ нужно;» отвѣчалъ важно мальчикъ.

— Нужно ! — повторила г–жа Маріанна. — Любопытство — грѣхъ; а признаюсь, я желала–бы узнать, какая это нужда?

«И я тоже,» прибавилъ священникъ.

— Слышишь, говори сейчасъ!—закричала тетушка Ламбертъ.

«Я не смѣю , маменька , сказать батюшкѣ въ глаза , что онъ поетъ фальшиво , и что у него голосъ.....»

— Ну , ну , продолжай; — сказалъ священникъ.

«Очень дуренъ,» договорилъ мальчикъ.

Священникъ захохоталъ при этихъ словахъ.

— Такъ , по–твоему , я пою нехорошо?

«Я..... я не знаю, хорошо, или дурно,» отвѣчалъ Миша въ смущеніи: «но когда вы поете, у меня..... какъ–бы вамъ сказать..... звенитъ въ ушахъ.»

— И ты идешь въ Парижъ за тѣмъ только, чтобы не слышать моего голоса?..... сказалъ, улыбаясь, священникъ.

«О, нѣтъ, батюшка, совсѣмъ не то..... мнѣ не хотѣлось-бы оставить васъ; но.....»

— Говори откровенно, Миша; не скрывай ничего, — сказала г-жа Маріанна: — мы не сердимся на тебя.

«Не сердитесь?» спросилъ Миша.

— Да, да, — прибавили священникъ и сестра его.

«Впрочемъ,» продолжалъ мальчикъ: «не сегодня, такъ завтра..... рано, или поздно, маменька должна узнать объ этомъ..... Извѣстно, что въ Парижѣ все лучше, чѣмъ у насъ въ Вивоннѣ.....»

— Какъ это? — прервала его мать.

«Конечно! Кто хорошо одѣтъ, о томъ говорятъ: онъ изъ Парижа!..... Лучшія шелковыя матеріи изъ Парижа; лучшія

нитки въ Парижѣ; когда маменька хочетъ сбыть съ рукъ залетавшіяся перчатки, она говоритъ: «эти перчатки изъ Парижа.» Слѣдственно въ Парижѣ все лучше, чѣмъ здѣсь. И такъ я хочу идти въ Парижъ, потому что тамъ, вѣроятно, и поютъ лучше нашего; мнѣ не хочется умереть, не послушавши хорошихъ голосовъ.»

— Такъ ты идешь въ Парижъ за этимъ?— спросила у него г-жа Маріанна.

«Да, сударыня.»

— Ахъ, теперь я понимаю тебя, сынъ мой! — сказала съ чувствомъ мать. — Помните-ли, г-жа Маріанна: въ 1610 году, въ Троицынъ день, незадолго до рожденія моего Миши, мнѣ не хотѣлось отойти отъ клироса, на которомъ пѣли монахини. Я оставила тогда хозяйство мое и сказала покойному мужу: «Посмотри за лавкой, а я пойду въ церковь.» Миша былъ еще

малюткой, а я все изъ него дѣлала пѣснями: заплачетъ бывало, я что нибудь спою, онъ и замолчитъ; когда-же онъ подросъ, пѣснями я выучила его читать и писать. Вы знаете, батюшка, что онъ пѣлъ прежде, чѣмъ сталъ говорить; всѣ тогда дивились и спрашивали: «чей это мальчикъ поетъ такъ прелестно?» А я съ гордостію отвѣчала: «сынъ мой, Михаилъ Ламбертъ.» Мишу приходили слушать издалека. Ахъ, Боже мой! теперь мнѣ понятно, отъ чего ему вздумалось идти въ Парижъ послушать хорошаго пѣнія; я и сама, на его мѣстѣ, сдѣлала-бы то-же.

«И такъ вы позволяете мнѣ, маменька, оставить васъ?» сказалъ Миша.

— Позволяю, позволяю, дитя мое!..... Мы бѣдны, и тебѣ не слѣдуетъ оставаться здѣсь на всю жизнь. Ступай съ Богомъ! Когда разбогатѣешь и просла-

вишься, пришли мнѣ денегъ: я пріѣду послушать тебя.

«И такъ ты идешь въ Парижъ, и вы, г–жа Ламбертъ, отпускаете его?» спросилъ священникъ.

— Да, — отвѣчали мать и сынъ.

«Не могу противиться вашему намѣренію,» сказалъ тогда священникъ: «не мнѣ изслѣдовать пути Провидѣнія; передъ отъѣздомъ зайди ко мнѣ, другъ мой...... я дамъ тебѣ письмо къ одному знакомому и попрошу его пріютить тебя въ Парижѣ, гдѣ такъ много жителей и такъ мало друзей.»

Мальчикъ поблагодарилъ священника и сестру его; они ушли, а тетушка Ламбертъ занялась приготовленіями къ отъѣзду сына.

III.

Спустя нѣсколько дней, Миша отправился въ путь съ узелкомъ и палкой въ рукахъ; мать хотя и согласилась разстаться съ сыномъ, въ надеждѣ, что онъ будетъ счастливъ, но при прощаніи не могла удержаться отъ слезъ.

Первые дни путешествія прошли счастливо. Погода стояла прекрасная; г—жа Маріанна дала Мишѣ нѣсколько денегъ и онъ вездѣ платилъ за ночлегъ и кушанье. Бѣдный мальчикъ воображалъ, что сокровище его неистощимо; но вотъ однажды, расплатившись за ужинъ, Миша остался съ пустымъ кошелькомъ. На другой день онъ отправился голодный. Но въ его лѣта

развѣ заботятся о чемъ нибудь? Къ вечеру онъ увидѣлъ издали большой зѦмокъ.

«О! о!» сказалъ онъ про себя: «вотъ чудесная гостинница; сколько экипажей, лошадей!»

Онъ вошелъ въ ворота.

— Куда ты?—закричалъ одинъ изъ слугъ, видя, что Миша идетъ къ крыльцу.

«Туда!» отвѣчалъ мальчикъ, указывая рукой на зѦмокъ.

— Да онъ думаетъ, что здѣсь трактиръ, — сказалъ, смѣясь, другой слуга.

«Такъ это не трактиръ?» спросилъ Миша.

— Конечно, нѣтъ, — отвѣчалъ слуга.

«Тѣмъ лучше,» продолжалъ мальчикъ: «если здѣсь не трактиръ, такъ и платить не нужно; и сказать вамъ правду, господа, у меня нѣтъ ни копѣйки.....»

Тѣ, которыхъ онъ называлъ господами, захохотали. Миша продолжалъ:

«Я умираю отъ голода и жажды; надѣюсь, что здѣсь меня накормятъ; въ такомъ большемъ домѣ всего должпо быть вдоволь.»

— Да не для тебя, попрошайка, — сказалъ кучеренокъ, подходя къ нашему путешественнику съ вилами въ рукахъ; — ступай прочь, пошелъ!.....

Миша не испугался угрозъ и сказалъ окружавшимъ его: «если вы доставите мнѣ удовольствіе, я заплачу вамъ тоже удовольствіемъ.»

— А какое можешь доставить намъ удовольствіе, ты, глупой мальчишка? — сказалъ одинъ изъ лакеевъ.

«Очень большое, сударь; я вамъ спою нѣсколько прекрасныхъ гимновъ..... пѣсню о королѣ Рене, или, пожалуй, Плачъ Вѣчнаго Жида..... Увы! подобно этому жиду, я брожу изъ края въ край; но у меня нѣтъ

и пяти су, какъ у него!» прибавилъ Миша съ такою грустію, что слуги были тронуты.

— Пой, что хочешь, да только поскорѣй; —сказали они ему.

Маленькій Ламбертъ не ошибся въ расчетѣ. Едва началъ онъ пѣть, слуги окружили его и, какъ очарованные, стояли безмолвно и неподвижно. Товарищи ихъ, бывшіе въ замкѣ, тоже подошли изъ любопытства. Черезъ нѣсколько минутъ служители со всего дома сошлись на дворѣ.

Между тѣмъ на крыльцѣ показался мужчина сердитой наружности. Онъ хотѣлъ, казалось, разогнать толпу слугъ; но, услышавъ пѣніе, самъ подошелъ къ нимъ.

МИХАИЛЪ ЛАМБЕРТЪ.

Рис: на кам: В. Папе

Печ: въ Лит: Тюлева.

Едва началъ онъ пѣть, слуги окружили его.

IV.

«Г. Мулинье, г. Мулинье!» закричали слуги и разбѣжались въ разныя стороны. Мальчикъ остался одинъ.

— Пой, пой!—сказалъ ему г. Мулинье. Миша не заставилъ просить себя; онъ окончилъ начатую имъ пѣсню и потомъ сказалъ незнакомцу:

«Довольно-ли?»

— Кто ты, мальчикъ? — спросилъ Мулинье.

«Я птичка изъ Вивонны и теперь отправляюсь въ Парижъ,» отвѣчалъ маленькій Ламбертъ.

— А зачѣмъ ты идешь въ Парижъ?

«Хочу учиться пѣть.»

— Такъ ты живешь своимъ голосомъ?

«Да, какъ птичка. Я не могу летать и проводить ночей на вѣткѣ, но меня, какъ птичку, любятъ за голосъ. Куда я ни приду, вездѣ буду пѣть, а потомъ скажу: накормите бѣдную птичку за удовольствіе, которое она вамъ доставила.»

— И, конечно, никто не допуститъ тебя умереть съ голоду. Пойдемъ со мною въ замокъ; ты тамъ услышишь хоръ прекрасныхъ пѣвчихъ. Я — Мулинье, капельмейстеръ его королевскаго высочества, брата короля нашего Людовика XIII; ты — въ замкѣ Шампиньи.

Ламбертъ очутился такимъ образомъ въ замкѣ. Черезъ нѣсколько времени Мулинье повелъ его въ домовую капеллу и при немъ началъ учить пѣнію пажей принца. Любопытствуя знать, какое дѣйствіе произвела ученая его музыка на простодушнаго и необразованнаго

сына полей, онъ подошелъ къ Ламберту и увидѣлъ, что онъ заснулъ.

— Ты спишь? — сказалъ Мулинье, тряхнувъ его за руку.

«Да, сплю.»

— Такъ музыка эта тебѣ не нравится?

«Нѣтъ, не нравится.»

— Стало быть она нехороша?

«Если сказать правду, — нехороша.»

— Что-же ты находишь въ ней дурнаго? — спросилъ удивленный Мулинье.

«Да все дурно, сударь,» отвѣчалъ мальчикъ: «и пѣніе, и голоса, и инструменты.»

— Какъ! даже и скрипки?..... сказалъ капельмейстеръ.

«Да, сударь!»

— Вотъ еще голосъ, въ которомъ я ошибся; — сказалъ Мулинье пожимая плечами; — поетъ недурно, а души нѣтъ.

«Не знаю, что вы называете душею,» возразилъ простодушно мальчикъ: «но если это что нибудь хорошее, то въ вашихъ скрипкахъ ея нѣтъ; повѣрьте мнѣ въ этомъ.»

Мулинье хотѣлъ что-то отвѣчать; но ему пришли доложить о пріѣздѣ герцога Креки и камердинера его, Нирта, который привезъ съ собой лютню.

— Ахъ! тѣмъ лучше, — сказалъ капельмейстеръ и, оставивъ Мишу, побѣжалъ навстрѣчу къ гостямъ.

V.

Въ описываемую нами эпоху знатные люди имѣли обыкновенно при себѣ слугъ, которые играли на разныхъ инструментахъ, но безъ всякой методы. Герцогъ Креки случайно отыскалъ въ Римѣ одного изъ такихъ музыкантовъ, по имени Де-Нирта; этотъ Де-Ниртъ пѣлъ по новой методѣ, которая изъ Италіи перешла ко двору Людовика XIII и произвела тамъ необыкновенный энтузіасмъ. Де-Ниртъ былъ человѣкъ страннаго характера; онъ ни за что, бывало, не станетъ пѣть, если его будутъ просить. По этому герцогъ Креки обходился съ нимъ очень осторожно. Онъ, обыкновенно, говорилъ:

— Де-Ниртъ, мы сегодня ѣдемъ туда-то; и ты поѣзжай съ нами.

«Прикажете-ли взять лютню?» спрашивалъ Де-Ниртъ.»

— Какъ хочешь, — отвѣчалъ герцогъ; это принималось за приказаніе.

Людовикъ XIII, какъ извѣстно, подверженъ былъ сильнымъ припадкамъ меланхоліи; часто онъ садился у окна и, зѣвая, говаривалъ окружавшимъ его: «станемте скучать, господа, скучать, сколько силъ достанетъ, и придворные, подражая Королю, зѣвали и скучали, кто какъ умѣлъ. Король любилъ музыку и самъ игралъ на лютнѣ; иногда герцогъ Креки привозилъ къ нему Де-Нирта, которому всегда удавалось развеселить Короля пѣніемъ, или игрою на лютнѣ.

На этотъ разъ герцогъ Креки пріѣхалъ въ замокъ Шампиньи, гдѣ жилъ тогда братъ Людовика XIII. Передъ отъѣздомъ,

онъ, по обыкновенію, сказалъ Де-Нирту: «Поѣдемъ со мной!» — Прикажете-ли взять лютню? — «Какъ хочешь.» Такимъ образомъ герцогъ, Де-Ниртъ и лютня его явились въ Шампиньи.

Его высочество, увидя Де-Нирта за стуломъ герцога, спросилъ: привезъ-ли онъ инструментъ свой.

«Привезъ,» отвѣчалъ музыкантъ: «прикажете играть?»

— Какъ хочешь, братецъ, — отвѣчалъ герцогъ.

Де-Ниртъ принесъ лютню и игралъ на ней съ рѣдкимъ искуствомъ, а пѣлъ еще лучше. Музыка настоящее волшебство; она дѣйствуетъ на людей самыхъ необразованныхъ; по этому-то всѣ жители замка сбѣжались слушать артиста: въ окнахъ и въ дверяхъ виднѣлись грубыя лица ихъ, на которыхъ можно было прочесть впечатлѣ-

ніе, произведенное гармоническими звуками.

Де-Пиртъ пѣлъ тогда одну изъ Италіанскихъ простонародныхъ пѣсенъ; глубокое молчаніе царствовало между гостями; служители стояли у дверей столовой; вдругъ между ними послышалось восклицаніе.

«Чудесно, чудесно! вотъ что называется пѣть!»

Вслѣдъ за тѣмъ отъ толпы слугъ отдѣлился маленькій, толстенькій мальчикъ; всѣ обратили на него вниманіе; онъ смѣшался и не могъ сдѣлать ни шагу впередъ.

— Что это значитъ? — спросилъ принцъ.

Мулинье, узнавъ маленькаго пѣвца, сказалъ ему:

«А, вотъ кстати!»

— Что это за мальчикъ?

«Сегодня я случайно встрѣтилъ его, ваше высочество,» отвѣчалъ Мулинье: «у

него удивительный голосъ; но вообразите, онъ находитъ, что ваши пажи, да и я самъ поемъ очень, очень дурно.»

— Оно, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ такъ, — сказалъ принцъ.

При этихъ словахъ Миша улыбнулся.

«Онъ поетъ?» спросилъ Де-Ниртъ, осматривая его съ головы до ногъ.

Видя, что никто не отвѣчаетъ на вопросъ, Ламбертъ сказалъ въ полголоса:

«Я пою, сударь, какъ поютъ въ лѣсахъ, самоучкой.»

— А каковъ тебѣ кажется мой голосъ? — спросилъ Де-Ниртъ.

«Гмъ! у васъ голосъ чудесный.»

— Откуда ты? — спросилъ принцъ.

«Изъ Вивонны,» отвѣчалъ мальчикъ.

— А куда идешь?

«Да теперь никуда; я уже пришелъ.»

Отвѣтъ этотъ пасмѣшилъ все общество.

— Говори яснѣе, другъ мой, — продолжалъ принцъ.

Миша отвѣчалъ:

«Я оставилъ родину и хотѣлъ идти въ Парижъ учиться у кого нибудь пѣнію. Здѣсь я нашелъ то, чего искалъ; потому-то и говорю: я ужъ пришелъ.»

— И такъ ты выбираешь меня своимъ учителемъ? — спросилъ Де-Ниртъ.

«Да, милостивый государь.»

— Хорошо.

Одинъ изъ господъ просилъ мальчика спѣть что нибудь; онъ отказался.

«Когда выучусь, тогда буду пѣть,» сказалъ онъ; и не смотря на всѣ просьбы, твердо стоялъ на своемъ.

Съ этихъ поръ счастіе постоянно благопріятствовало Ламберту. Онъ бралъ уроки пѣнія у Де-Нирта, который отъ герцога Креки перешелъ въ службу къ Королю.

Вскорѣ ученикъ превзошелъ учителя и, конечно, затмилъ-бы его со временемъ; но Де-Ниртъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, оставивъ Ламберту въ наслѣдство славу свою. Голосъ Ламберта отличался не столько силою, сколько необыкновенною прелестію; владѣя имъ совершенно, онъ умѣлъ скрывать недостатки его; главное-же очарованіе заключалось въ выразительности. Въ то время говорили, что одинъ только Ламбертъ умѣетъ спѣть всякую арію, какъ слѣдуетъ.

Артистъ нашъ рано лишился матери; потеря эта разстроила его хозяйство. Безкорыстный, безпечный, онъ мало заботился о денежныхъ выгодахъ; пока кошелекъ его не истощался совершенно, онъ жилъ спустя рукава. Разсѣянность его была такъ велика, что онъ почти всегда забывалъ о приглашеніяхъ и рѣдко пріѣзжалъ въ условленное время.

Однажды герцогу Ришелье, въ бытность его въ Рюэллѣ, вздумалось пригласить на вечеръ Ламберта. Господину Ботри поручено привезти его изъ Парижа. Пѣвецъ во весь этотъ день занятъ былъ уроками. Ботри, однако-же, засталъ его у президента Лепальера.

— Кардиналъ приказалъ мнѣ привезти васъ въ Рюэлль, господинъ Ламбертъ,—сказалъ онъ ему: Король, быть можетъ, пожалуетъ туда, и принцесса Марія нетерпѣливо желаетъ слышать васъ.

«Къ вашимъ услугамъ!» отвѣчалъ Ламбертъ: «въ которомъ часу мы отправимся?»

— Я заѣду за вами въ шесть часовъ; будьте готовы.

«Непремѣнно.»

Въ назначенное время Ботри явился къ Ламберту, который жилъ тогда недалеко отъ Люксамбурга.

— Г-на Ламберта нѣтъ дома;—сказалъ привратникъ.

«Можно подождать?» спросилъ посланный кардинала.

— Подождать! У васъ, сударь, или много терпѣнія, или много свободнаго времени. Г-нъ Ламбертъ возвращается домой очень поздно.

Ботри задумался. Куда ѣхать? Бѣдный придворный не зналъ, какъ отыскать ему пѣвца. Онъ заѣзжалъ во всѣ дома, гдѣ бываетъ Ламбертъ; но все безполезно. Около восьми часовъ посланный кардинала рѣшился возвратиться въ Рюэлль. Проѣзжая мимо трактира Ла-Круа, онъ услышалъ тамъ неистовые крики.

— Что это значитъ? — спросилъ Ботри у одного изъ своихъ слугъ.

«Ничего, сударь; какой нибудь свадебный пиръ въ трактирѣ Ла-Круа; вѣдь тутъ бы-

ваетъ вся знать: герцоги, принцы, сочинители, г. Мольеръ.

— Да тамъ, я слышу, бьютъ стекла, ломаютъ столы, дерутся, кричатъ. Поди, посмотри, что это значитъ.

Слуга побѣжалъ и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился.

«Я докладывалъ вамъ, сударь, что это ничего. Какой-то небольшаго роста человѣкъ поетъ, но такъ мастерски, что толпа слушателей аплодируетъ ему при всякомъ куплетѣ, стучитъ ногами и во все горло кричитъ: да здравствуетъ Ламбертъ!»

— Ламбертъ!..... Отворяй скорѣй дверцы! —сказалъ г. Ботри и опрометью бросился въ трактиръ.

«Ну, слава Богу!»

Онъ нашелъ артиста посреди толпы простаго народа, который былъ въ изступленіи

отъ его пѣнія. Кушанье стояло на столѣ, но никто не думалъ ѣсть.

— Г-нъ Ламбертъ! — закричалъ ему Ботри: — развѣ вы забыли обѣщаніе ваше?

«Совершенно забылъ, милостивый государь!» отвѣчалъ артистъ, стараясь припомнить, съ кѣмъ онъ говоритъ.

— Я къ вамъ присланъ отъ кардинала Ришелье, — сказалъ г. Ботри.

«Ахъ! виноватъ, виноватъ!»

Ламбертъ проворно вскочилъ съ мѣста, распрощался съ слушателями своими и сѣлъ въ карету. Г. Ботри приказалъ ѣхать во всю прыть въ Рюэлль.

— Вы, какъ кажется, очень любите простолюдимовъ и готовы забыть для нихъ избранное общество; — сказалъ Ботри Ламберту.

«Да, потому что простолюдимы умѣютъ выражать то, что чувствуютъ.»

— Это такъ; да вѣдь они вамъ не платятъ?

«Не платятъ!» повторилъ артистъ, гордо взглянувъ на Ботри: «а удовольствіе, которое я имъ доставляю, развѣ это не плата?»

Пѣвецъ нашъ и г. Ботри съ восторгомъ приняты были въ Рюэллѣ; вечеръ этотъ надѣлалъ много шуму; Ламбертъ пѣлъ необыкновенно хорошо.

Разсказываютъ еще, что однажды къ великому пѣвцу явился какой-то поваренокъ съ скрипкой въ рукахъ, что составляло странную противоположность съ его костюмомъ. Слуги, знавшіе, что Ламбертъ любитъ простой народъ, безъ затрудненія допустили къ нему мальчика.

— Вы г. Ламбертъ? — спросилъ поваренокъ, входя въ комнату.

«Да, другъ мой. Что тебѣ надобно?» отвѣчалъ пѣвецъ.

— Я поваренокъ на кухнѣ ея королевскаго высочества и вмѣстѣ съ тѣмъ скри-

пачь. Мнѣ хотѣлось-бы брать у васъ уроки; но я не въ состояніи платить за нихъ.

«Поешь-ли ты?» спросилъ его Ламбертъ.

— Мало; но за то я недурно играю на скрипкѣ и знаю начальныя основанія контрапункта.

«Посмотримъ,» сказалъ съ улыбкою Ламбертъ: «сыграй что нибудь!»

Мальчикъ не заставилъ просить себя; по мѣрѣ того, какъ онъ игралъ, Ламбертъ видимо одушевлялся.

«Прекрасно! Чудесно!» вскричалъ артистъ. «Какъ зовутъ тебя?»

— Баптистъ Люлли.

«Баптистъ Люлли, ты пойдешь далеко,» сказалъ ему маэстро пророческимъ тономъ.

Предсказаніе сбылось. Люлли бралъ уроки у Ламберта; черезъ шесть мѣсяцевъ сестра Короля поручила ему свой оркестръ, состоящій изъ 12 скрипокъ, игравшихъ съ

такимъ согласіемъ, что самъ Король обратилъ на это вниманіе и назначилъ Люлли дирижеромъ своей музыки. Онъ, въ послѣдствіи, основалъ оперу и, такъ сказать, создалъ пѣвцовъ, хоры и оркестръ.

Ламбертъ отдалъ за Люлли дочь свою и жи́лъ у него въ домѣ. Достигнувъ глубокой старости, онъ часто говаривалъ, когда Люлли игралъ передъ нимъ на скрипкѣ: «О! какъ бы я спѣлъ это, назадъ тому лѣтъ тридцать!»

Михаилъ Ламбертъ былъ отцемъ Французской музыки, какъ Корнель отцемъ Французской трагедіи. Онъ умеръ 1696 года, вскорѣ послѣ перваго представленія Армиды, восьмидесяти шести лѣтъ отъ роду, и похороненъ возлѣ Люлли, котораго онъ пережилъ.